

18+

Елена Отто
МНЕ
ПРИСНИЛОСЬ
ЛОНДОНСКОЕ
НЕБО

В поисках мистера Дарси

Елена Отто

**Мне приснилось лондонское небо.
В поисках мистера Дарси**

«Издательские решения»

Отто Е.

Мне приснилось лондонское небо. В поисках мистера Дарси /
Е. Отто — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565588-2

Пытаясь вырваться из однообразной и предсказуемой жизни маленького городка, молодая учительница отправляется устраивать личное счастье за границей. Её летний отпуск очень мало похож на рекламные буклеты международного клуба, отправившего девушку в столицу мира. С первых дней она сталкивается с Лондоном, о котором ей никто не рассказывал: с Лондоном нелегальных мигрантов, фиктивных беженцев, чернорабочих с высшим образованием и женщин, так и не встретивших среди английских холмов мистера Дарси.

ISBN 978-5-00-565588-2

© Отто Е.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
Часть первая	9
Глава 1. Школа	9
Глава 2. Олег	14
Глава 3. Краснознамённый	21
Глава 4. Английский жених	26
Глава 5. Дальняя дорога	33
Часть вторая	38
Глава 6. Попутчик	38
Глава 7. Встреча в аэропорту	43
Глава 8. Лондонистан	48
Глава 9. Бедная родственница	55
Глава 10. Принимающая семья	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мне приснилось лондонское небо В поисках мистера Дарси

Елена Отто

Редактор Елена Чижикова

Корректор Наталья Бокова

© Елена Отто, 2022

ISBN 978-5-0056-5588-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Уехав из провинциального российского города в Лондон, Елена стала литературным редактором крупнейшей русскоязычной газеты «Англия. Наши на острове» и в 2009 году опубликовала в издательстве «Эксмо» свою первую книгу «Следующая остановка – Лондон», тираж которой был распродан в течение первого же года после публикации, затем продолжила сотрудничать с русскоязычными газетами Великобритании и Германии, а также осваивать британский рынок труда.

Последние десять лет Елена работает в сфере образования, преподавая русский язык юристам, архитекторам, владельцам бизнесов, управленцам всех уровней, финансистам и дипломатам. Вторая и третья книги «Русское время в Лондоне» и «Не хотите ли чашечку чая? Английские будни русских жён» были написаны на основе её жизненного и профессионального опыта этого десятилетия и в результате многочисленных бесед со студентами-англичанами.

В настоящее время Елена живёт со своим английским мужем и детьми на севере Лондона, работает на улице Уайтхолл в районе Вестминстер, публикуется в местных газетах, пишет книги и занимается собственным проектом, связанным с воспитанием детей в двуязычных семьях.

Пролог

Длинная очередь в «Домодедово» заняла добрых полчаса, и когда Арина добралась до окошка паспортного контроля, она уже порядком перенервничала, гадая, что может интересовать пограничников в российской гражданке, возвращающейся из затяжного турне по туманному Альбиону. Валюта? Знакомства? Нарушение визового режима? Секретная информация, к которой она могла быть причастна? Или они уже обнаружили чужой паспорт в синей корочке, покоящийся во внутреннем кармане чемодана? Казалось, ещё минута – и она услышит злое: «А вас, девушка, я бы попросил пройти со мной для дальнейшей беседы». Весь день в её голове звучал истошный лай собаки, обнаружившей контрабанду, и она не могла его ничем заглушить.

Стараясь сохранять беспечное выражение лица туристки, которой не терпится сообщить всему белому свету о своём возвращении, она поспешно вставила в безжизненный мобильник российскую сим-карту. Телефон запищал и прислал приветственное сообщение: «Поздравляем! Вы находитесь на территории Российской Федерации. Пользуйтесь услугами Билайн». Дрожащими пальцами Арина набрала сообщение: «Я приземлилась, стою в очереди на паспортный контроль. Надеюсь, всё будет хорошо. Как пройду – дам знать. Если не выйду на связь через полчаса – перезвони».

Потом задумалась, кому отослать. Матери? Отцу? Ведь если её уведут в секретный кабинет для дальнейших расспросов, ни причитания отца, ни сдержанное волнение матери не помогут делу. Кто может среагировать быстро, но без эмоций? Кто может найти нужных людей и надавить на нужные кнопки? К кому обращаться в критический момент? Олежек! Вечный Олежек. Зная его, можно ожидать, что он найдёт связи в ФСБ, ЦРУ и MI5 одновременно. Память услужливо подсказала номер, который она не использовала целый год. Арина забила его в светящуюся строку на экране и помедлила с отправкой. Потом сохранила сообщение и положила телефон обратно в карман. Нет, нужно привыкать жить без всевидящего ока Олежека. У неё был целый год, чтобы научиться.

Очередь продвигалась невыносимо медленно. Над кабинками паспортного контроля висела реклама с издевательским пожеланием: «Почувствуйте себя дома!». Служащая паспортного контроля одарила её настороженным неприветливым взглядом. За двенадцать месяцев в приторно-вежливой Англии, где все улыбаются незнакомцам, Арина отвыкла от этого взгляда-рентгена и внутренне напряглась, губы непроизвольно дёрнулись в улыбке, которую она тут же оборвала волевым усилием. Незавершённая улыбка застыла на лице кривой усмешкой.

– Откуда возвращаетесь? – сурово спросила служащая, листая Аринин паспорт.

– Из Лондона, – ответила Арина как можно беспечнее. И тут же пожалела о своём тоне.

«Советские граждане в Лондон на выходные не катаются», – читалось в тёткином взгляде.

«Наверное, её зарплата не позволяет ей ездить за границу, зато каждый день приходится приветствовать сотни счастливиц, которые могут себе это позволить. Тут кто угодно окрысится», – подумала девушка.

– Почему не вернулись в срок? Ваша виза истекла в ноябре прошлого года.

– Задержалась. По личным причинам, – Арина хотела отделаться дежурным ответом, но поняла, что здесь дежурные ответы не пройдут.

– По каким личным причинам? – в голосе тётки зазвучали железные нотки.

– Планировала выйти замуж, – пробормотала Арина.

– Успешно? – уже с интересом.

– Нет, – девушка опустила глаза к полу.

«Так тебе и надо», – читалось в глазах тётки, и, удовлетворённо хмыкнув, она пропечатала отметку о въезде на девственно-чистую страницу паспорта.

– Что, «фёрст тайм аброд¹»? – насмешливо спросила проверяющая.

Арина едва заметно кивнула.

– Добро пожаловать в Россию! Всегда приятно видеть людей, которые возвращаются на родину даже после столь длительного отсутствия.

Арина так и не смогла разобрать, была ли эта фраза произнесена абсолютно искренне или с издёвкой.

– Я действительно рада вернуться, – обиженно произнесла она.

– Это вы ФСБ расскажите, – хмыкнула тётка и кивнула в сторону двух мужчин, стоящих в некотором отдалении от кабинки. – Они будут тронуты.

Один из мужчин перехватил испуганный взгляд девушки и сделал неумовимое движение навстречу. Надсадный лай собаки в её голове на мгновение заглушил все остальные звуки. Рука Арины непроизвольно скользнула в карман и сжала мобильный.

¹ – Первый раз за границей?

Часть первая

Глава 1. Школа

Весёлое мартовское солнце отчаянно пробивалось в прорези тёмно-зелёных штор, слепило глаза и пускало зайчиков по светло-салатовым стенам кабинета истории, в размышлении останавливалось на потёртых картах и планшетах, развешанных по стенам, и, не заинтересовавшись изменением геополитических границ Советского Союза в результате Второй мировой войны, соскользнуло на физический глобус, с лёгкостью пересекая Атлантический океан, лавируя по течениям от Северной Америки к Европе, от пустыни Сахара до самого мыса Доброй Надежды, и, наконец, остановило свой выбор на острове Мадагаскар. С нагретой крыши ручейками сбегали остатки грязного снега. Прямо под окнами кабинета образовался маленький пруд, на котором ученики начальной школы уже запустили первые бумажные кораблики. Настроение было самое что ни на есть прогульное. Наблюдая за счастливыми первоклашками из окна, Арина искренне жалела, что нельзя сбежать с урока и присоединиться к ним. Вместо этого нужно сидеть за столом и повторять один из самых нудных периодов зарубежной истории – развитие буржуазного строя в Западной Европе.

Ящечкин, один из самых слабых учеников класса, уже давно разочаровал учителей и родителей, получая рекордное количество троек по итогам каждой четверти. Едва научившись читать с листа, он держался в школе только благодаря своему незлобивому характеру. Никаких хлопот он не доставлял, зубы не скалил, на уроках сидел тихо, поэтому весь педагогический коллектив махнул на него рукой и позволил ему просто быть. Самая длинная и изнурительная третья четверть подходила к концу, и тихо отсидевший девять с половиной недель в тылу Ящечкин вызвался отвечать домашнее задание. Он всё-таки хотел заработать свою тройку. Хотя бы продемонстрировав технику чтения.

– К середине XVIII века Англия обогнала мирового лидера Голландию по темпам роста капиталистических мануфактур, по уровню мировой торговли и колониальной экономики и стала ведущей капиталистической страной. По уровню экономического развития она превзошла остальные европейские страны, располагая всеми необходимыми предпосылками для перехода на новую ступень общественно-экономического развития – крупное машинное производство.

«Боже мой, какая скука, – Арина пыталась внимательно слушать Ящечкина, но мысли то и дело отвлекались на разные посторонние вещи. – Как досадно, что челябинский автобус не формируется в Краснознамённом, и на него нельзя купить билеты заранее. Никогда не знаешь наверняка, сколько у тебя времени в запасе», – она опять бросила взгляд на ликующих первоклашек.

– На протяжении XIX – начала XX века жилищные условия большинства наёмных рабочих не отвечали элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. В большинстве случаев их жилища были перенаселены, если под перенаселением понимать проживание более двух человек в каждой комнате, включая кухню. Была также распространена «сдача коек постояльцам», которую практиковали семьи, снимавшие квартиры. В Лондоне встречались объявления о сдаче части комнаты, причём мужчина, работавший днём, и девушка, работавшая прислугой в гостинице ночью, должны были пользоваться одной постелью.

«Шестой урок должен закончиться без четверти час. Автобус в половине второго. Автостанция в пяти минутах ходьбы от школы. Надо постараться успеть».

Ящечкин подозрительно скосил глаза на Арину, и она поспешила отвести взгляд в окно. Видя, что на него никто не обращает внимания, он продолжил бойко читать с учебника.

– До изобретения газового освещения продолжительность рабочего дня на предприятиях зависела от естественного освещения, но с появлением газовых горелок фабрики получили возможность работать в ночное время. На английских фабриках в 1820-1840-х годах рабочий день за вычетом трёх перерывов для приёма пищи (один час на обед и по двадцать-тридцать минут на завтрак и ужин) длился двенадцать-тринадцать часов. Распространённой становилась работа по воскресным дням. В промышленности начал массово использоваться женский труд и впервые в истории множество женщин начали трудиться вне дома. При этом на текстильных фабриках мужчины работали надзирателями и квалифицированными механиками, а женщины обслуживали прядильные и ткацкие станки и получали меньшую зарплату, чем мужчины.

«О, Господи, Ящечкин, как тебе самому не скучно молоть весь этот бред? Как назло, оставила часы утром на умывальнике... Когда же прозвенит звонок?»

– Социальные протесты, проснувшееся чувство «социального стыда» за бедствия трудящихся, стремление уменьшить политическую нестабильность заставляли политиков выступать в поддержку разработки социальных программ для неимущих, государственного регулирования отношений между трудом и капиталом.

«Ненавижу школу. Скорей бы каникулы. Сегодня уже двенадцатое марта, до конца четверти осталось четырнадцать дней. Уже тринадцать, если считать, что сегодняшний подошёл к концу».

Ящечкин сел, довольный собой, считая, что при рассеянном внимании училки, которая не заметила, что он читает с учебника, он может надеяться даже на четвёрку.

– А ведь выходит, что у эксплуатации рабочих гораздо больше плюсов, чем минусов, – подал голос красавчик и отличник Данил Казанцев, желая лишний раз покрасоваться перед девчонками, но адресуя свой вопрос непосредственно Арине. – Вот, в учебниках написано, что нынешнее благополучие развитых стран построено на чудовищной эксплуатации малоимущих слоёв населения в прошлом веке. Но если посмотреть на результат, которого они достигли, то Англия до сих пор остаётся впереди планеты всей: и уровень жизни там не чета нашему, и условия труда самые наилучшие, к тому же мощная социальная система. И кого сейчас волнует, как это начиналось? Получается, копируя западный путь развития, мы должны пройти определённую «неприглядную» стадию, чтобы достичь того уровня, который наблюдается сейчас в Англии. Попросту, для того чтобы достичь материального и социального процветания, сначала надо пахать по шестнадцать часов в сутки, невзирая на условия. Вот вам и формула успеха.

– Ты, Казанцев, готов лично пахать по шестнадцать часов в сутки, при газовых горелках, в ночную смену, делить комнату с тремя-четырьмя рабочими, чтобы иметь возможность оплатить только питание и проживание? – насмешливо спросила Арина.

– Я, лично, собираюсь получать высшее образование, – снисходительно ответил Казанцев, – поэтому в рядах рабочего класса я не окажусь в любом случае. Я намереваюсь окончить школу с медалью, поступить в хороший вуз, потом найти приличную работу. Моя цель – стать директором собственного предприятия и нанимать людей на работу. При таком раскладе вероятность того, что я буду зарабатывать только на питание и проживание, ничтожна мала. Это удел неудачников, которые всю жизнь валяют дурака и живут за счёт чужих милостей, – он презрительно скосил глаза на Ящечкина.

– А вот и нет, – возразила Арина. – У моих родителей высшее образование, и они могут позволить себе очень немного. У меня высшее образование, и я со своей зарплатой едва покрываю текущие расходы. Если бы я жила в большом городе, моей зарплатой бы не хватило даже на оплату съёмной квартиры. Мои однокурсники, которые остались в Челябинске, в буквальном смысле зарабатывают только на питание и проживание, и это никак не связано с усилиями, которые они вложили в своё образование.

– Но ведь вы не делите свою комнату с тремя-четырьмя соседями? Опять же почему? Потому что ваши родители в своё время получили высшее образование, нашли хорошую работу и получили отдельную квартиру. К тому же, на центральной площади.

– А я при высшем образовании и высокой рабочей нагрузке не могу позволить себе отдельную квартиру, даже в Краснознамённом. Времена меняются. Мы не можем слепо копировать европейский путь развития, потому что мы уже пошли другим путём. Ни в одной капиталистической стране государство не снабжало всех своих граждан бесплатными квартирами, как это практиковалось в Советском Союзе. Зато каждый работающий европеец может купить себе квартиру, чего не скажешь о каждом работающем россияnine. И тяжёлая пахота не всегда ведёт к процветанию.

– То есть вы считаете, что Европа допустила ошибку в своём развитии?

– Данил, я много чего считаю, но границы урока не позволяют нам дискутировать на вольные темы.

– Это последний урок, к тому же пятница. Почему мы не можем задержаться после уроков? Вы ведь любите поговорить на европейские темы, – с вызовом спросил Казанцев.

«Потому что я тороплюсь на автобус», – хотела сказать Арина, но сдержалась.

Звонок.

«Ну, наконец-то. А теперь пулей в учительскую поставить журнал. Хоть бы никто не попался по дороге».

Увы, в дверях учительской она столкнулась с завучем, необъятной Ириной Фёдоровной.

«Конец. Автобус в половине второго уйдёт в Челябинск без меня».

– Арина Михайловна, у меня к вам серьёзный разговор. У Федосеева опять выходит двойка за четверть. Вчера его мама приходила в школу. Мальчик болезненный и из неблагополучной семьи. Нам надо подумать, как вытянуть его хотя бы на тройку.

«Ну всё. Попалась».

Арина выбежала из кабинета завуча через пять минут, необдуманно согласившись на поправление всех своих принципов, и почти вприпрыжку ворвалась в маленькую учительскую. Бросила журнал 9 «Б» на полку, включила электрочайник и, одной рукой отмеряя ложечкой Нескафе, а другой пытаясь расстегнуть заклепку в узле волос, наконец, на секунду замерла и только в этот момент заметила англичанку Аллочку, расстёгивающую сапоги за дверью. Аллочка с сожалением рассталась с отличным итальянским сапогом на шпильке, придиричливо разглядывая слегка сношенную набойку. Полюбовавшись им ещё несколько секунд, она с неохотой натянула на ноги тупоносые межсезонные ботинки.

– Что, Богославский твой не приедет? – уточнила у неё Арина после приветственного кивка.

– Представляешь, опять застрял где-то под Камышовкой! Только что звонил, злой, как чёрт. Ненавижу это время года! – и собеседница с возмущением потрясла каштановыми локонами, аккуратно уложенными вдоль её миловидного лица, слегка сбрызнутого тёмными веснушками.

Миниатюрная и изящная, как греческая статуэтка, Аллочка преподавала английский в пятых-шестых классах, её рабочий день заканчивался около двенадцати, поэтому в обеденный перерыв её забирал муж. Иногда он задерживался в рейсах и не успевал к обеду. Тогда Аллочка снимала свои шикарные итальянские сапоги и переобувалась во что-нибудь более практичное. Хотя Краснознамённый считался посёлком городского типа, по весне грязь была не лучше, чем в любой деревне на двадцать дворов. Шла середина марта, самое активное таяние снега, и пробираться по улицам можно было не иначе, как вброд. Поэтому даже модные заводские дамы были вынуждены носить со своими светло-серыми и кремовыми пальто рас-

топтанные старые сапоги ещё советского периода – надевать новую обувь в такую слякоть было жалко.

К счастью, Краснознамённый обходился без городского транспорта (двадцать минут пешего хода в любом направлении – и посёлок закончился), и местные женщины могли себе позволить носить светлую верхнюю одежду, а в сухую погоду охотно щеголяли на шпильках. Потому что всё-таки Краснознамённый считался посёлком городского типа, и все его улицы были заасфальтированы. Горожане, приезжающие в Краснознамённый к родственникам, удивлялись, как прилично одеты женщины в этом захолустье. А между тем, местные модницы, особенно заводские, одевались исключительно в городских магазинах, совершая раз в месяц после зарплаты рейды в Челябинск. Учителя же оказались в довольно сложном положении. Одеваться как попало они не могли по своему статусу, а составлять конкуренцию дочерям и женам заводских начальников было проблематично по финансовым соображениям. Они жалели о временах, когда ученики носили одинаковую форму, а учителя пользовались неизменным авторитетом и уважением.

Аллочка же была на особом счету. Её муж, Андрей Богославский, держал собственный магазин в посёлке и в масштабах Краснознамённого считался фигурой значимой и одиозной. Несколько раз в неделю он ездил по работе в областной Челябинск, брал с собой Аллочку, и она всегда была в курсе, что идёт на челябинской сцене, какие новые рестораны открылись в городе, и что нынче носят челябинские модницы.

Арина наконец справилась с заколкой, и тёмные шелковистые волосы моментально выскользнули из узла и рассыпались по плечам. Волосы у Арины были густые, блестящие, замечательно оттеняющие её бледное лицо и серые глаза.

– Дурочка ты, Аринка, – пробормотала Аллочка в сапог. – Такую красоту прячешь.

– Что же мне, на уроки с распущенными волосами теперь ходить?

– А по-твоему, этот бабский узел намного лучше? Не будь у тебя чёлки, была бы с этой шишкой как старуха Шапокляк.

– Скажешь тоже! Ничего общего.

– Если бы у меня были твои волосы, я бы непременно носила их распущенными! Имеют же люди такое богатство и не умеют демонстрировать! А тут мучаешься всё утро со своей копной, и ничего путного из неё не выходит.

– Боже мой, кому тут демонстрировать-то? Ученикам что ли? Или Бармалею Петровичу?

– Замуж тебе надо, Аринчик. Что ты, всю жизнь с родителями жить будешь? Найди себе приличного мужика...

– Это в Краснознамённом-то? Если здесь и был кто приличный, то давно уже в Челябинск уехал. Из кого мне выбирать? Из тех, кого другие невесты забраковали? Кого жёны побросали от безнадёжности? А для молодых да перспективных я уже перезрелая невеста.

– А ещё пару лет в этой школе просидишь – и вообще никогда замуж не выйдешь. Пока ты ещё хорошо выглядишь, в незнакомом месте можно и скинуть пару лет. Пару годиков прихватить – небольшой грех. Надо бы тебе куда-нибудь в санаторий путёвку раздобыть. Поговори с папиком – может, через завод выбьет. Придумаешь там какую-нибудь болезнь. Только надо такую, чтобы по ней одни мужики в санатории лечились.

– Простатит!

– А ты все смеёшься и смеёшься. А я тебе, между прочим, дело говорю, – обиделась Аллочка. – Ради твоего же личного счастья стараюсь. Поедешь в город на каникулы – подстриги волосы покороче, под каре, и купи себе белый берет. Эффект будет сумасшедший! Все мужики будут твои!

– Какие мужики?

– Челябинские! Зарплаты у них хорошие, по машине у каждого. Будешь жить в областном городе, а не в этой дыре, будешь на Чёрное море ездить в отпуск.

– Что ж ты сама здесь сидишь, такая продвинутая, с двумя иностранными языками и деловым мужем?

Аллочка сделала загадочный вид и поднесла палец ко рту.

– Никому ни слова. Собираемся в Москву с Богославским. В весенние каникулы едем на разведку. Надо успеть перебраться и обжиться, прежде чем ребёнка рожать. А то мне уже двадцать пять скоро, хочешь не хочешь, а возраст поджимает.

Всю дорогу в Челябинск Арина обдумывала разговор с Аллочкой. Не про берет и не про каре, и даже не про челябинских мужиков. Перед глазами в очередной раз со всей безысходностью встала вся эта Краснознамённая жизнь. И этот поселковый быт, эти будни и праздники, и бесконечная череда дней. Пять дней работаешь, два отдыхаешь. Одиннадцать месяцев работаешь – один отдыхаешь. Тридцать пять лет работаешь – и отдыхаешь посмертно. И самое ужасное, что пока работаешь, дни ещё летят. А выходные проходят за домашними делами, а отпуска на грядках, а пенсия там же, между домом и садом, только в окружении внуков. И ничего не меняется, и ничего не происходит. Все события наперёд известны: Новый год с массовым гулянием на площади, Восьмое марта с мимозой и гвоздиками, Первое и Девятое мая с шашлыками в саду, Последний звонок с тюльпанами и сиренью, Первое сентября с астрами и гладиолусами, День Учителя с невесть откуда привезёнными в уральскую глубинку розами. Ну да, ещё промелькнёт в начале марта день рождения, который она давно пытается забыть, но мама всё равно помнит и встаёт утром пораньше, и заводит тесто на пирог с солёными грибами, и отправляет отца за бутылкой красного сладкого.

И привычно всё это, скучно и мило, и тоска находит от мысли, что так будет всегда. И ещё большая тоска оттого, что замужество, по большому счёту, ничего не меняет. И даже если бы среди поселковых женихов, которых она знала наперечёт, отыскался какой-нибудь заинтересованный, вряд ли бы её жизнь сразу расцвела неземным светом. Вот одноклассницы все уже замужем давно, детей нарожали, некоторые уже и развестись успели. Так и живут. Кто-то лучше, кто-то хуже, а в целом – ничего особенного. Дом-работа, работа-дом. А у неё – работа, работа, работа. А не будь её – что делать?

И тогда принятое ещё в зимние каникулы решение начинает казаться естественным и простым, и, как всё простое, гениальным.

Глава 2. Олег

Пока миловидная брюнетка за столом сосредоточенно просматривала свою тетрадочку в поисках нужной записи, Арина сидела в кресле напротив и крутилась по сторонам. Стены клуба международного обмена «Импульс» были увешаны картами и фотографиями радостных студентов. По всему офису были расставлены глобусы, флаги, вымпелы и прочая атрибутика вольной студенческой жизни, для которой границы не помеха. «Если очень захотеть – можно в космос улететь», – вспомнилась старая песенка. Арине вдруг стало легко и весело от всей этой обстановки и от беззаботных улыбающихся лиц на фотографиях, и она удивилась, что идея пришла в голову так поздно, когда на самом деле всё так просто – взять и улететь куда-нибудь в Америку.

– А вот и вы, я нашла вашу анкету, – произнесла, наконец, брюнетка. – Вы у нас были девятого января. Арина Бердяева, окончила педагогический университет, не замужем, проживает в посёлке Краснознамённый, двадцать пять лет.

– К сожалению, уже двадцать шесть.

– Ах да, у вас же день рождения пятого марта. Поздравляю. Хотя и с недельным опозданием.

– Ничего страшного. Всё равно спасибо.

– Ну и что мы с вами будем делать?

– Ну, уж сделайте что-нибудь. Отправьте меня в какую-нибудь Америку. Штат Флорида. Море, пальмы, верблюды, высокие стройные мужчины в ковбойских шляпах.

– Во Флориде нет верблюдов, – рассмеялась Роксана, – а мужчины, к сожалению, низкорослые, толстые и примитивные, как одноклеточные. Стоит один раз улыбнуться и согласиться на стакан виски с содовой, и он уже спрашивает, к кому мы идём на ночь – ко мне или к нему.

– Какой кошмар!

– Да нет, к этому быстро привыкаешь и быстро учишься отшивать их с полуслова. И всё равно начинаешь встречаться со своими русскими парнями, потому что американцы им и в подмётки не годятся. Ни по внешнему виду, ни по внутреннему содержанию. Но всё это к вам не относится, потому что в Америку вы не попадаете.

– Почему?

– По возрасту не проходите. Все старые американские программы сейчас закрыты. В Америке стало слишком много русских, им больше не надо. Они опасаются нелегальной иммиграции.

– Но я не собираюсь иммигрировать.

– А как вы это докажете? Вы – молодая, незамужняя, образование закончено. К сожалению, для Америки осталась только одна программа «Work&Travel», но её участниками могут стать только студенты дневного отделения, до двадцати трёх лет, с хорошим английским. А у вас вообще немецкий.

– Увы. Но у меня довольно хороший немецкий. В прошлый раз вы говорили про гувернантку для немецкой семьи.

– К сожалению, под программу «au pair» вы тоже уже не подходите по возрасту.

– Какая досада! И что же мне, такой старой перечнице теперь делать?

– Ехать в Лондон, как я и предлагала в прошлый раз.

– Ехать в Лондон с моим английским – это авантюра.

– Подучите до лета. Вы ведь всё равно раньше поехать не сможете?

– Да, у меня каникулы только с первого июня.

– Значит, у вас два с половиной месяца на штурм английского.

– Роксана, а с Германией точно ничего не получается?

Роксана беспомощно развела руками.

– Я не могу отправить вас в Америку, не могу отправить в Канаду, Австралию, Германию, Францию. Я уже просмотрела все варианты. Если вы не хотите ехать куда-нибудь на клубничные поля в Финляндии, то остаётся только Лондон. Впрочем, в Англии тоже есть различные фермы по сбору ягод и овощей. Мы бы могли что-нибудь подобрать, если хотите. Только вам нужно будет принести справку, что вы студентка очного отделения какого-нибудь вуза, лучше сельскохозяйственного. Заявления обычно оформляются с осени, но у нас сейчас есть пара мест из числа отказников.

– Да нет, спасибо, если уж ехать в Англию, так лучше в Лондон, учить английский язык. Просто спросила на всякий случай, не нашли ли вы чего-нибудь ещё.

– Я вам сейчас составлю список документов, необходимых для посольства, а вы постарайтесь подготовить всё до майских праздников. Справки о работе, о зарплате, о владении недвижимостью, о банковском счёте. Это сложно, но осуществимо, – оптимистично завершила Роксана.

И уже прощаясь, добавила:

– Вам бы, конечно, в идеале выйти замуж до лета. Замужним девушкам намного охотнее дают визу.

Арина покачала головой:

– Роксана, зачем тогда ехать в Лондон?

И они обе рассмеялись.

* * *

Молоденькая секретарша осваивала клавиатуру. Перед каждым новым предложением она снимала очки, долго дышала на них, протирала носовым платочком и снова начала всматриваться в клавиши, отыскивая нужные буквы. Буквы разбегались, менялись местами и всё время норовили от неё спрятаться. Риточка горестно вздыхала, набирала в лёгкие побольше воздуха и вдохновенно опускала внушительный бюст на клавиатуру. Компьютер не выдерживал подобного давления и выдавал череду восторженных оooooooooooooooooooooooooooooo! Риточка злилась на него и аккуратно стирала лишние буковки. На десятом предложении Арина не выдержала и предложила свою помощь. Поколебавшись немного и вяло поозиравшись по сторонам, Риточка согласилась.

Арина села за компьютер, вдохновенно занесла руки над клавиатурой и через минуту отбарабанила целую гамму до мажор. Через шесть минут страница была закончена. Риточка застыла в восхищении.

– Как это вам удаётся? Я уже целую неделю пытаюсь выучить буквы, а они всё время оказываются в разных местах. Мне кажется, ребята переставляют их по ночам. Они всё время заигрывают со мной, и когда я не реагирую, начинают всячески мешать работать.

– Нет, не думаю. Все клавиатуры одинаковы, все буквы должны находиться на одних местах. Просто обязаны. Иначе даже я не смогла бы ничего сделать с текстом. Как же Олег Дмитриевич взял вас на работу? Ведь секретарь должен, в первую очередь, печатать.

– Он сказал, я буду сидеть на телефоне. Я очень хорошо разговариваю по телефону с клиентами. У меня очень сексуальный голос.

– Это, надо полагать, Олег Дмитриевич сказал?

– Да, но у меня на самом деле очень-очень хорошие рекомендации от бывших директоров.

Гостья задержала взгляд на грандиозном бюсте Риточки.

– Нисколько не сомневаюсь.

Арина походила немного по офису, полистала толстые папки на столе, чисто автоматически исправила пару орфографических ошибок. Олежек до сих пор пишет слово «агентство» без буквы «т» в середине. Просто напасть какая-то.

– А вы, наверное, в музыкальной школе учились? – подала голос Риточка.

– Как вы догадались?

– Только пианисты умеют так быстро печатать.

– У вас потрясающая наблюдательность.

– Нет, мне просто говорили, что, сколько клавиатуру не учи, всё равно печатать со скоростью более трёхсот знаков в минуту не получится. Это могут только пианисты, у них пальцы длинные.

– Дело не в пальцах, – рассмеялась Арина. – Дело в годах долбёжки по клавишам. Но, поверьте, слепую печать я осваивала отнюдь не в музыкальной школе.

– Вы учились на машинистку?

– Да, четыре года назад за вашим столом.

– Ой, вы работали в нашей компании?

– Да, что-то вроде того.

– А какой был Олег Дмитриевич четыре года назад?

– Боюсь, нельзя подчинённым говорить таких слов про начальников.

Дура. Логичнее было бы спросить, какой была компании «Альфа-стиль» четыре года назад. Тогда Арина могла бы рассказать про захолустное ателье советского периода. Про крысы, шныряющих по углам. Про капающие потолки и облезлые обои. И как за несколько месяцев усилиями всего двух людей ателье превратилось в приличный офис. Каждая полка, каждая вешалка, каждая настольная лампа была Арине родной, каждая картина на стене имела свою историю. Вон тот «Прибой» прислала Олежку его бывшая девушка, когда уехала навсегда в Америку, а эту шаманскую маску привез из Эфиопии Денис Седых, шут и балагур, добрый приятель школьных лет. Шишкинских «Медведей на отдыхе», как их называл дед, Олежек увёз со старой квартиры после дедовой смерти, на память, а «Неизвестная» Крамского – это Аринина любимая картина. Когда они с Олежком были в Москве в Третьяковской галерее, она выпросила у него репродукцию этой картины. Потом подолгу останавливалась перед ней, как замороженная, и смотрела в глаза красивой и надменной барыни. И всякий раз придумывала новую историю её жизни. Олежек смеялся и говорил, что Арина просто скучает по тем временам, когда дамы носили соболиные шубы и ездили в каретах.

– Не та нынче жизнь, котёнок, – приговаривал он, распахивая дверцу зелёной шестёрки. – Ты опоздала родиться. Пожалуйте в наш скромный Мерседес, барышня, и давайте уже идите учиться на права. Сколько можно мне сидеть трезвым за столом? А вы всё равно не пьёте, только спиртное переводите.

И Арина послушно шла учиться на права. Олежек всегда знал, что, как и когда нужно делать. И она радостно следовала его советам и разделяла его грандиозные планы. По части грандиозных планов Олежек был мастак. Идеи сыпались из него, как из рога изобилия, а доделывать начатое дело до конца приходилось Арине. Фирма «Альфа-стиль» продержалась дольше всех других затей Олежека. Наверное, потому что её клиенты были такие прибабахнутые люди, что директору никогда не становилось скучно с ними.

Олег шагнул в офис и сразу заполнил собой всё пространство. Высокий, громкий, многословный. Как обычно, в хорошем настроении. От него сразу же пахнуло весной – мартовской сыростью, недоверчивым солнцем и каким-то мимозным духом. По привычке, он сгрёб Арину к себе и расцеловал в нос, лоб, щёки, волосы.

– Котёнок, тебя опять не было два месяца! Ты совсем зашилась с этой школой! Не звонишь, не пишешь. Для чего я тебе установил интернет? Ладно, садись на мой стул – вот тебе

плюшка, горячая ещё, с шоколадом. А, круассан называется. Кофе будешь? Ритусик, сделай ещё, пожалуйста, два капучино. Чего удивляешься – я себе поставил автомат. Круто, да? Даже у Игнатьева ещё такого нет. Да ты ешь, ешь, что смотришь. Ритусик, ласточка, принеси ещё пару круассанов с киоска. Можешь и себе тоже взять, только пошустрее. Потом, потом губы подкрасишь, всё равно круассан есть придётся. Аришка, ты, как всегда, кстати. У меня для тебя дело. Не спорь, котёнок, я никому больше не могу это поручить. Сама видишь, Ритуля ещё только учится. Расторопности ей не хватает.

– Да уж, Ритуля твоя – редкостная находка. Как раз в твоём стиле. Тупая грудастая блондинка.

– Да ладно тебе, опять ревность? У неё масса выдающихся качеств!

– Особенно выдаётся бюст четвёртого размера.

– Не комплексуй. Если уж Бог не даёт женщине мозгов, должен же у неё быть хотя бы бюст.

– Но зачем тебе безмозглая секретарша?

– Малыш, большинство моих клиентов – мужчины. И мозги в секретарше интересуют их в последнюю очередь. У меня бизнес попал в мёртвую зону. Ни туда, ни сюда. Нужно предпринимать какие-то меры. Поэтому мне срочно нужна твоя помощь.

– У меня нет бюста четвёртого размера.

– Да хватит тебе уже с этим бюстом! У тебя отличный бюст. Разве он не устраивает твоих любовников? Покажи мне того уродца, который скажет, что у тебя проблемы с бюстом, я задушу его на месте.

– Олелек, вообще-то я по делу. И у меня к тебе встречное предложение.

– Обожаю встречные предложения. Подожди секунду, я покажу тебе Настюшкины фотки с праздника 8 Марта. Она там такая прикольная с этим бантом, мы всё утро с Инкой думали, чем приклеить ей этот бант. Она тебе стишок угарный расскажет. Мы были у них в детском саду с Инкой пятого числа. О чёрт, я даже не поздравил тебя с днём рождения! Прости, котёнок, я опять замотался. Чёртова работа... Но я исправлюсь. Мы сегодня же идём в ресторан. На Кировке открыли новый ресторан, жутко навороченный, я там ещё ни разу не был. Надеюсь, ты остаёшься ночевать у меня?

– Нет, я предпочитаю ночевать на улице.

– Котёнок, откуда же я знаю о твоих планах? Может, во дворе тебя ждёт любовник в Мерседесе, и у тебя свои планы на вечер.

– Мне надоели разговоры про моих любовников.

– Меня печалит, что ты до сих пор не завела себе мужчину, Ариша. Наверное, мне надо тебя с кем-нибудь познакомить. А то как-то неудобно, сам женился... Кстати! У Игнатьева будет банкет в следующую пятницу по поводу пятилетия их шарашкиной конторы! Будет много богатых мужиков. Красавцев не обещаю, так, кошелёк, два ушка. Но ты умничка, подберёшь себе что-нибудь достойное на ближайший сезон. Попроси Инку дать тебе что-нибудь вечернее, пособлазнительней.

– Я работаю в следующую пятницу. У меня каникулы только с двадцать третьего марта.

– Опять твоя работа! Этак ты всю жизнь пропустишь. Что ты делаешь в своей школе в этом богом забытом Краснознамённом? Слушай, возвращайся в Челябинск, будем снова работать вместе. Помнишь, как мы хорошо работали вместе? Я вообще не понимаю, зачем ты уехала.

– Боюсь, я не смогу составить конкуренцию Риточке. И фирма останется в кризисе. Потому что большинству твоих клиентов нужны грудастые блондинки. И вообще, я в Лондон уезжаю.

– Ну что ты так прикопалась к этой дуре? В какой Лондон, зая? Сейчас, когда моя компания в кризисе?

– Не сейчас, а вообще. Насовсем, – неожиданно для себя сказала Арина.

– Малыш, я тебя никуда не отпущу. Как я буду без тебя жить? Кто будет выводить фирму из кризиса?

Арина проснулась рано утром от капли, тарабанившей по крышам. Выглянула в окно. Промышленный город выглядел крайне неприглядно в это время года. Снег лежал грязными клочьями по обочинам дорог, деревья стояли сырые и продрогшие, немного стесняясь своей неприкрытой наготы, а тысячи забрызганных по самую крышу машин с восторгом врезались в лужи и обливали соседей тоже по самую крышу. Недовольные водители гудели вслед и махали кулаками. Уральская весна вступала в свои права.

Арина встала с кровати и подошла к зеркалу, чтобы ещё раз взглянуть на новую сорочку. Действительно, нисколько не помялась. Вчера вечером Инна подарила ей очаровательную французскую сорочку. Жалко только, очаровывать в ней было некого. Арина вообще привыкла спать в пижамах: удобнее и практичнее. Длинные просторные футболки, появившиеся на рынках в последние годы – тоже отличный вариант. Конечно, это кружевное чудо не шло ни в какое сравнение с практичными пижамами. Такое могут выдумать только французы. Арине даже стало жаль немного, что она едет в Лондон, а не в Париж. Всё-таки Париж – город романтики, город любви и влюблённых. Правда, что там делать одной? Нет, в Париж только вдвоём с любимым мужчиной.

Она ещё раз повертелась перед зеркалом, с удовольствием разглядывая себя. Обычно она не задерживалась у зеркал надолго. Наносила макияж перед карманным зеркальцем, а зеркала в полный рост в доме и вовсе не было. Вернее, оно было, на дверце шкафа, с внутренней стороны, но Арина так привыкла обходиться без него, что всё время забывала об этом. В студенческие годы, когда они с Олегом снимали квартиру у женщины в летах, мебели в доме было под завязку, но зеркал хозяйка упорно избегала, чтобы не напоминали про возраст. Олег же был всегда собой доволен. А Арине было как-то всё равно. По утрам наносила на сонное лицо слой пудры, небрежно подкрашивала ресницы и бежала в институт, наскоро попив чаю. И в кружевных французских сорочках перед зеркалами не расхаживала.

Французская сорочка представила её взору совсем незнакомую женщину. Она вдруг увидела в зеркале высокую длинноногую брюнетку, чьи серые глаза под прямой чёлкой стали пронзительно голубыми, оттеняя голубой шёлк. Привычная бледность скул, тонкая шея. Совсем другой человек. Загадочная французская женщина. Она поспешно выскользнула из лёгкой ткани и подозрительно изучила свою грудь. Не такая уж маленькая, второй размер. Грудь как грудь. Чего она вчера прицепилась к этой Риточке? Что, ей не хватает лишних сантиметров в груди для полного счастья? Да и блондинкой она никогда не мечтала стать. При такой-то роскошной шевелюре! И всё-таки худая, сколько ни ешь – всё равно худая. И оттого по-подростковому нескладная, талия не слишком отличается от бёдер. Она натянула это кружевное чудо обратно. Сорочка скрыла талию и бёдра и подчеркнула грудь. Отличная вещь. Волшебная. Сразу видно, что из Франции. Всё-таки французы знают толк в женской красоте и соблазнительности. Она вздохнула, снова скинула сорочку и, уже не глядя в зеркало, натянула джинсы. Аккуратно сложила прохладный голубой шёлк в пакетик и убрала в дорожную сумку. Нет, спать во французской сорочке в своей девичьей кровати в Краснознамённом она не будет. Пусть подождёт более подходящего случая.

Олег с утра был немного заспанный, хмурый и непривычно молчаливый. Он громко прихлёбывал чай из пол-литровой чашки с эмблемой местного хоккейного клуба «Трактор» и, не отрывая взгляд от газеты, пытался попасть ложкой в варенье. При появлении Арины он отложил газету и совершенно серьёзно произнёс:

– Ну, так что там с Лондоном?

Арина долго и вдохновенно рассказывала про свою давнюю мечту о загранице, про возможность, которую ей предложил клуб международного обмена студентов, про перспективу провести лето в Лондоне, от которой по коже разбежались мурашки. Олег внимательно слушал и громко отхлёбывал чай. Потом спросил:

– Контора надёжная?

Арина с готовностью кивнула, хотя потребуй Олег какие-нибудь доказательства, она не смогла бы их предъявить. Ей просто хотелось верить, что эти славные улыбчивые ребята, сами объездившие весь мир, смогут отправить её в сказочную Англию. Она будет ходить по знаменитым на весь мир улицам, кататься на пароходике по Темзе и сверять часы по Биг Бену.

– Я наведу справки. Что для этой поездки нужно?

– Деньги, – коротко ответила Арина. – Сначала деньги, потом всё остальное.

– Сколько?

– Пятьдесят, – выдохнула Арина и зажмурила глаза.

– Ни хрена себе! Ариш, откуда у меня такие деньги? Ты всерьёз думаешь, что я ворочаю сотнями тысяч в конторе?

– Я ничего не думаю. Я просто сообщаю тебе факты. Ты же знаешь, что ни у мамы, ни у папы нет таких денег. А сколько я могу отложить со своей зарплаты? На дорогу до Москвы?

– Арин, это действительно серьёзная сумма.

– Я знаю. Это офигенная сумма. У меня зарплата три с половиной. Если я совсем перестану тратить и сяду на шею родителям, я накоплю столько через полтора года.

– И к тому времени поездка будет стоить сто тысяч.

– У меня есть немного сбережений, но совсем немного, у меня правда ничего не получается откладывать, хотя я уже несколько месяцев пытаюсь. Я беру дополнительные часы, репетиторство... История – не самый популярный предмет, но иногда выбирают для ЕГЭ. Взяла ещё археологический кружок раз в неделю, там тоже какая-то копейка капает, я очень экономлю.

– Да ладно тебе, с учительской зарплаты только экономить. Скажи спасибо родителям, что хотя бы живёшь у них.

– Я была в банке. Я не хотела беспокоить тебя и сначала обратилась в банк, – Арина смотрела в стол и ожесточённо вертела в руках вилку. – Но мою зарплату они даже не стали рассматривать как основание для кредита. Сказали, что нужны два поручителя. С зарплатой не менее двадцати тысяч. У меня нет таких знакомых, кто пошёл бы поручителем. В Краснознамённом есть люди с такой зарплатой, но ведь я уезжаю в другую страну, могут ли они доверять мне? Поэтому мне всё равно пришлось бы звать тебя в поручители.

– Арин, а как ты реально планируешь отдавать такие долги? Два года сидеть на гречневой каше?

– В «Импульсе» мне сказали, что в Лондоне я смогу отработать эти деньги за пару месяцев, ещё и на подарки останется.

– Отработать кем?

– Кем придётся. Официанткой в кафе. Гувернанткой. Я могу даже посуду мыть, если предложат.

– Ты сошла с ума! С твоей серебряной медалью, твоим высшим образованием, твоим свободным немецким ты будешь мыть посуду в каком-нибудь китайском кафе! Я отказываюсь подписываться под этой бредовой затеей.

– Олежек, я согласна мыть посуду. Я очень-очень хочу поехать. Это всего лишь на два месяца. Я же буду студенткой, я еду учить английский язык. А студентам нигде не стыдно работать, они учатся.

– И что ты будешь делать со своим лондонским английским в Краснознамённом? Возьмёшь в придачу к истории ещё десяток часов иностранного языка?!

– Не издевайся. Я всё равно поеду. Если ты не дашь мне денег, я найду в другом месте. Под чудовишные проценты. Если бы ты поработал три года в школе, ты бы тоже сбежал на край света под любые проценты.

– Я ничего не буду тебе обещать. Мне не нравится эта идея. Ужасно не нравится. Я не вижу в ней смысла. Если ты хочешь бросить школу – приезжай в Челябинск, пристроим тебя куда-нибудь. Если ты хочешь путешествовать – езжай в Турцию, это будет в три раза дешевле и в три раза веселее. Если ты хочешь учить английский – за десять тысяч рублей преподаватель поселится на месяц с тобой в одном доме и будет разговаривать целыми днями только по-английски.

– Олежек, я хочу встретиться с женщиной, – Арина пошла ва-банк. – Он англичанин, живёт в Лондоне, я познакомилась с ним через интернет. Он хочет жениться. Но сначала нужно пообщаться лично.

– Пусть приедет в Краснознамённый.

– Ты что, с ума сошёл?! Англичанин в Краснознамённом! Чтобы он всю жизнь попрекал, что вытаскивал меня из грязи и нищеты!

– А так ты будешь мыть посуду в Лондоне! Русская Золушка в трущобах буржуазного мегаполиса! Тогда он умилится и сразу женится на тебе.

– Я смогу увидеть живую его дом, его работу, его страну. Я должна увидеть город, в котором мне предстоит жить. Прежде чем принять решение.

– Знаешь, существует такая маленькая деталь. Называется «виза невесты». Полностью за счёт жениха.

– Но он ещё ни разу меня не видел! Ты предлагаешь поехать сразу замуж, под ответственность человека, которого я тоже ни разу не видела?!

– Что тебе нужно, кроме денег? В Англию не так просто получить визу.

– Справку с места работы. О том, что я ценный специалист и буду ещё ценнее, когда пройду курсы английского в Лондоне. Справку о зарплате, которая повысится после моего возвращения. Не менее трёхсот долларов в месяц.

– Ладно, сделаем тебе от «Альфа-стиль».

– Справки о работе и зарплате родителей. Справку о владении квартирой, машиной, дачей. Выписку с банковского счёта на сумму около ста тысяч рублей. Вообще, желательно бы ещё студенческий статус, но это так, для подстраховки.

– А свидетельство о рождении ребёнка тебе не сделать для подстраховки? Ариш, ты сошла с ума! Ты собираешься выехать за границу по девяти фальшивым документам?! Что у тебя будет настоящего? Загранпаспорт? Если британскую визу невозможно получить легальным путем, зачем идти на криминал? Кто в Краснознамённом смог бы собрать полный пакет легальных справок? – Олежек развёл руками, демонстрируя, что тема исчерпана, и уткнулся в газету.

– Так вот поэтому они и сидят все в Краснознамённом! – сорвалась Арина. – И будут сидеть до самой пенсии! А я жить хочу! Я хочу мир видеть! Я хочу вырваться из своей кисло-приторной жизни! И найти нормального мужика! Пять лет назад я ввязалась с тобой в этот бизнес, я начала с тобой с ободранных стен, засиженных мухами! Теперь ты директор, ты женат, у тебя ребенок, грудастая секретарша, а я сижу в своём зачуханном Краснознамённом, и у меня в жизни нет ничего, кроме этой долбаной школы. Мне уже двадцать шесть, и ребёнка рожать надо, а ни одного мужика нормального во всей округе не-е-ет, – она сорвалась с крика на плач и, пристыженная собственными слезами, умолкла.

– Ладно, всё, не реви, – поморщился Олег. – Вечно эти ваши женские штучки. Манипуляторы хреновы, – он скомкал газету и бросил в направлении мусорного ведра. – Я посмотрю, что можно сделать. Но ничего не обещаю. Как хоть зовут твоего английского придурка?

– Джонни... – всхлип. – Джонатан...

Глава 3. Краснознамённый

Арина возвращалась в Краснознамённый в смешанных чувствах. С одной стороны, Олег обещал помочь, с другой стороны, безо всякого желания. Было немного неловко оттого, что склонить его на свою сторону удалось только жалобами и слезами. Арина ненавидела плакать, но слёзы всегда начинали литься из глаз в самый неподходящий момент. Сколько раз случались ситуации в жизни, когда нужно было защищать себя, аргументированно отстаивать свою позицию, достойно противостоять нахрапу обидчиков, а она просто начинала тупо реветь от обиды и смазывала всё дело. Вот и теперь слёзы подвели её. Она совсем не собиралась плакать и жаловаться на свою жизнь. И обвинять Олежека в том, что у него жена и ребёнок, тоже глупо. Ведь она совсем по-другому хотела сказать. По изначальному замыслу, если бы он не соглашался дать денег, она должна была просто напомнить о том, что помогла ему когда-то сделать бизнес. И неплохо бы помочь ей на первых порах сейчас, когда она затевает такой большой прорыв в своей жизни. Псевдожених был припасён на самый крайний случай, и она никак не ожидала, что этот случай настанет так быстро. И уж тем более ни при каких обстоятельствах не стоило признаваться насмешливому Олежеку в том, что вокруг неё нет ни одного достойного мужчины, а ей хочется выйти замуж. Зачем лишний раз тешить его самолюбие? Он и так уверен в своей неотразимости. Да и на самом деле, замуж не так уж и хочется, и она давно привыкла жить одна, и даже странно представить себе, что кто-то будет жить рядом с ней. Спать в одной постели, сопеть ей в ухо, может быть, даже храпеть. Утром ходить по квартире в семейных трусах, требовать завтрак и включать в семь утра свет в спальне, чтобы найти чистую рубашку. Когда они жили с Олежеком на Гагарина, она не задумывалась о таких вещах. Может быть, потому что он никогда не сопел ей в ухо.

Вчера вечером она долго разговаривала с Инной, женой Олега. Инна рассказала, что Олега тоже давно одолевают эмигрантские настроения, и взгляд его устремлён в канадском направлении. Рассматривает вариант высококвалифицированных мигрантов. Но, в отличие от Арины, он к этому шагу готовится основательно и последовательно. Поступил в аспирантуру, чтобы получить степень. Сейчас пишет кандидатскую. Собирается преподавать в канадском университете. Активно штудировать французский. Откладывает деньги. Инна тоже не сидит без дела. Вернулась после декретного на учёбу, получила диплом. Теперь учит английский. Супруга с высшим образованием и знанием английского добавляет кандидату баллы.

Хорошо у него всё, продуманно. Только у Арины так всё равно не получится. Если начнёт сейчас думать и взвешивать – так никуда и не уедет. А если начнёт копить деньги и учить английский – мало ли как поменяется её жизнь за это время. Может, махнёт рукой на всю эту затею как на неосуществимую. А может, сойдётся с каким-нибудь краснознамённым парнем и скатится в банальный брак с парой детишек. Будет работать от отпуска до отпуска до самой пенсии и никогда не увидит Лондон, да и вообще ничего не увидит. Вот, родители тоже прожили всю жизнь в посёлке. Мама, преподаватель иностранных языков, ни разу за границей не была. Хотя вроде бы образованные, интеллигентные люди. Устремления по молодости разные имели. А попали по распределению в эту глушь, родили ребёнка, получили квартиру и завязли. Ладно папа, он здесь родился, но мама конкретно ехала на отработку на четыре года, а потом муж, ребёнок – и куда уже потом уезжать от государственной квартиры? Нет, надо бежать. Надо определённо бежать, не важно куда, на все четыре стороны, чтобы однообразную предсказуемую жизнь не разбавляли события вроде открытия фонтана.

Открытие фонтана в городском саду в июле прошлого года кардинальным образом поменило Арино мирозрение. Хотя само по себе событие незначительное. Вот в его незначительности и было всё дело.

Лето, июль, школьные каникулы. Арина второй месяц слонялась без дела. Немного помогала родителям по саду, по утрам валялась с книжкой на местном пляже, пока не появлялись школьники. Каждое утро на пляж приводили детишек из местного лагеря, и они поднимали такой вопль на озере, что становилось невозможно читать. Арина закрывала книжку и отправлялась домой. Общаться с детьми в отпуске не хотелось. И так по улицам не пройдёшь незаметно. Стоит на минутку выскочить в ближайший магазин за хлебом – и тут же со всех сторон: «Здравствуйте, Арина Михална!», «А куда вы, Арина Михална?», «Арина Михална, а меня во вторник не будет в школе, я с родителями к врачу в город поеду». Пойдёшь прогуляться – обязательно встретишь кого-нибудь из родителей учеников, который захочет обсудить оценки или поведение своего чада, выспросить все школьные новости из авторитетных уст. И не объяснить людям, что у учителя тоже есть рабочее время и личное время. Ничего не поделаешь – маленький посёлок. Поэтому всё равно будут приходить в школу и задерживать после уроков, всё равно будут останавливать на улице в воскресный день, всё равно будут звонить на дом и спрашивать, что в действительности задали ребёнку на понедельник... А то и вовсе позвонят и спросят, как назывались лодки в Древнем Египте, «а то мы тут кроссворд разгадываем, а ты же учитель истории, специалист». Маленький посёлок. И оттого мусор не вынесешь в чём попало – сразу же десятки глаз заметят («Ба! Чего это историчка-то в халате!»), и на пляж по-летнему не оденешься («Надо же, училка – и в шортах!»), а уж попробуй пойдёшь на день рождения к подружке в чём-то откровенном («Куда эта ваша учительница вырядилась, как девка гуляющая?»). Мама, учительница немецкого с тридцатилетним стажем, рассказывала, как странно приезжать в другой город. Идёшь по улице – и никто с тобой не здоровается. Просто удивительно. Даже чего-то не хватает. А тут вышла на пять минут молока купить, а вернулась через час, пока со всеми жаждущими переговорила. Маленький посёлок. Никто никуда не торопится. Да и не принято до сих пор заявлять о своём личном времени. Какое может быть личное время у учителя?

Скучно, в саду скучно, на пляже. Поехать никуда не получается – денег нет даже на ближайшую турбазу. Да и особенно не с кем. Послоняешься по подружкам-одноклассницам, там чаю попьёшь, здесь попьёшь – и уже начинаешь себе дело какое-то выдумывать. То ли английский язык учить, то ли в кружок кройки и шитья записаться. Заводские женщины ходили два раза в неделю на аэробику. Старались держать себя в форме, да и какой-никакой повод вырваться из домашней рутины. Арина попробовала походить с ними, да как-то не увлеклась. Занятия спортом не особенно любила, а худеть ей было ни к чему. Заводские женщины вели бесконечные разговоры о мужьях и детях, о шмотках из журналов и последних местечковых сплетнях. Кто собирается жениться, кто разводиться, у кого случился выкидыш, а кто чужого ребёнка мужу родил. Всякий раз Арине становилось нестерпимо скучно, и она перестала ходить на аэробику. И тут вдруг на центральной площади возле Дома Культуры объявление на афише: «Двадцать четвёртого июля, в субботу, состоится массовое гуляние по поводу открытия фонтана в городском саду. Еда, прохладительные напитки». И идти незачем – что нового в этих массовых гуляниях? И не идти причин нет – а чем заняться-то?

Каждый год в Краснознамённом проводили такие сборища по праздникам. Массовое гуляние на Новый год, непременно с фейерверками с китайского базара, массовое гуляние на Первое и Девятое мая. На День независимости в июне и День Конституции в ноябре. Проводы зимы с блинами и традиционным сожжением чучела. Поселковый народ одевался по праздничному: мужчины снимали извечные спортивные штаны и кроссовки, которые носили в нерабочее время круглогодично, а женщины навивали кудри и доставали туфли на высоких каблуках. Брали детей под мышку, коляски, собак и отправлялись на центральную площадь. Таких массовых гуляний Арина насмотрелась за свою жизнь немало. Родительская квартира выходила окнами на площадь, поэтому пропустить какое-либо мероприятие было решительно

невозможно. В детстве Арине очень нравилось жить на площади: во-первых, это было престижно – никто из одноклассников не смотрел парады из окна, во-вторых, она была в курсе всех происходящих событий. Дискотеки, парады, демонстрации, салюты, катания с горки на санках. Любой мало-мальский праздник становился поводом для массового гуляния до полуночи.

Потом, когда времена изменились, шумные праздники на площади превратились в неуправляемую пьяную толпу, которая до двух-трёх ночи барагозила в центре посёлка, и папа пытался было пойти и по старинке уговорить молодёжь, но мама вставала стеной на выходе. Не та нынче молодёжь, и старые уговоры не действуют. Даже милиция не вмешивалась в шумные посиделки на клумбах – отчасти побаивалась, отчасти участвовала сама. И уже не рады были Бердяевы своему проживанию на центральной площади, потому что в такие праздничные дни слишком много весёлого народа стучалось в окна и двери. Кому гранёный стакан для водки, кому в туалет. Кто попроще, справлял нужду прямо под окнами, прячась за кустами, отделявшими площадь от дома. Иногда в квартиру обращались владельцы маленьких продуктовых ларьков на площади – просили подключить холодильник в розетку. Тянули длинные провода от ларёчка, а вечером приходили и расплачивались мороженым и газировкой. Последнее время папа всё чаще отказывал: времена наступили капиталистические, и платить счета за электричество приходилось отнюдь не газировкой, а люди по-прежнему рассчитывали на «дружескую услугу».

Открытие фонтана тоже мало отличалось от всех остальных массовых гуляний. Нарядные мамашки с колясками, подвыпившие мужики. В небольшой сквер пришли, наверное, все одиннадцать тысяч жителей. Единственный в посёлке фонтан ещё советских времён отремонтировали и побелили. Мэр толкнул небольшую речь и перерезал красную ленточку. Фотографы засняли это важное событие, и будь в Краснознамённом своя газета, то оно непременно бы попало на первую полосу. Но газеты не было, поэтому ограничились заметкой в районной прессе. Арина долго стояла и смотрела на фонтан, на толпу, на мэра, на ленточку, пляшущую на ветру, и отчётливо поняла: надо уезжать. Уезжать подальше и поскорее, пока не засосало. Иначе она, подобно родителям, проживёт здесь ещё десять, и двадцать, и тридцать лет, и незатейливые события её жизни так и будут развлекаться мероприятиями вроде открытия фонтана.

Поболтав немного с молодыми коллегами-учительницами и встретив несколько одноклассников, Арина уже собралась идти домой, как случайно зацепилась взглядом за бывшего школьного знакомого, Колю Латюшина, который учился двумя классами старше и немного ухаживал за ней в школе. Коля никогда ей не нравился, в школе он был долговязый и белобрысый, немного заносчивый, немного нудный. Он пытался танцевать с ней на всех школьных вечерах и жарко дышал в ухо, она пряталась от него по углам и, разговаривая с ним, старалась держать непроницаемое лицо, чтобы не подавать ему никаких поводов надеяться. После армии он стал встречаться со своей одноклассницей, она забеременела, поспешно женились, родили ребёнка. Недавно ей сказали, что он развёлся, но она не придавала новости особого значения. За годы брака Коля раздался, отрастил пивное брюшко и заметно полысел. Заметив стоящую в одиночестве Арину, он отделился от толпы подвыпивших мужчин и уверенной походкой направился к ней.

– Ну что, стоим, скучаем?

– Аллочку жду. Она пошла найти Андрея.

– А ты, как всегда, в гордом одиночестве? – полувопросительно-полуутвердительно сказал Коля.

– Я не жалуюсь, – пожала Арина плечами.

– А я вот развёлся недавно.

– Мои соболезнования.

– Чему тут соболезновать? Поздравлять надо! От такой змеи избавился. Она меня обманом на себе женила. Я из армии пришёл, учиться хотел, а она мне такую свинью подложила.

– Бывает.

– А теперь я свободный человек. Свободный, понимаешь? Сам себе хозяин, – он сделал глубокий глоток из пивной бутылки.

– В таком случае, поздравляю, – равнодушно поправилась Арина.

– Может, сходим куда-нибудь вечером? Устроим, так сказать, романтическое randevu.

– Куда? На боевик в клубе? Или на дискотеку для подростков?

– Овсянников новый бар открыл возле вокзала. Вполне ничего. Я приглашаю. Мне недавно на работе премию выдали. За хорошую работу, – Латюшин мутным взглядом кивнул в сторону коллег. – Меня теперь продвигают по профсоюзной линии. Пока в общежитии живу, но к Новому году обещали дать отдельную квартиру от завода. Через пять лет буду большим начальником.

– Ты знаешь, Коля, я не люблю бары. И на свидание с тобой не пойду.

– А ты, я посмотрю, всё ковыряешься. Тебе уже лет сколько? – он глубоко задумался, загибая пальцы и рассуждая вслух. – Я был тогда в десятом классе, значит, ты в восьмом. Двадцать пять. Замуж так и не вышла. Детей так и не родила. Будешь до гроба жить с родителями и работать училкой в школе.

– Ты мне что-то другое предлагаешь? – насмешливо спросила Арина.

– А я, может, с серьёзными намерениями! – заносчиво сказал Коля. – Я, может быть, на тебя планы имею! Я, может быть, жениться на тебе хочу.

– Коля, ты только два месяца назад с первой женой развёлся. Зачем тебе опять жениться? Походи холостой, порадуйся жизни. А мне и так неплохо.

– Ковыряешься. Всё недотрогу из себя строишь. Ты что, думаешь, за тобой женихи в очередь будут становиться? У тебя что, деньги, таланты или красота неопиcуемая? Ты посмотри на себя в зеркало! Худая, как доска, ухватить не за что. Ты, может, ещё и родить не сможешь. Что-то я за все эти годы никого с тобой не видел! – разошёлся Латюшин. – Никто тебя замуж не позвал и уже не позовёт. А знаешь, почему? Потому что мужики сразу видят: была бы баба нормальная, она бы уже была с мужем и с дитём. А раз никто не позарился, значит, невелик подарок. Может, ты бесплодная, а может, фригидная. С чего цену набиваешь – непонятно. Ты уже залежалый товар.

Кровь бросила в лицо Арине, и она с трудом сдержалась, чтобы не ударить пьяного водителя.

– Да я лучше одна всю жизнь буду, чем за такого уроды, как ты, держаться! – взорвалась она.

– И будешь одна! И сдохнешь одна! Старая дева!

Арина рванула от него с полыхающим лицом и понеслась через сквер, не разбирая дороги, пока не влетела в Аллочку, покупающую мороженое.

– Что это с тобой? – удивилась она. – На тебе лица нет.

– Латюшин подкатывал. Предложение делал. Ненавижу, – выдохнула она в ярости. – Ишь ты, благотворитель выискался! Ничего собой не представляет, а корчит из себя прекрасного принца. Собрался облагодетельствовать меня своей персоной! А когда отказала, гадостей наговорил и старой девой обозвал.

– Было бы из-за чего расстраиваться, – хмыкнула Аллочка. – У Латюшина ни работы, ни квартиры, ни денег. Собственной жене и то не нужен. Он теперь алименты платить будет следующие четырнадцать лет, после развода ему комнату в общежитии дали – пока он ещё свою жизнь наладит! Пьяный постоянно.

– И с какой радости я должна на него кидаться? – воскликнула Арина в запале. – Потому что он последний холостяк в Краснознаменном?

– Я на таких мужиков как Латюшин даже не обижаюсь, – отмахнулась Аллочка. – Они для меня просто не существуют. А в целом, ты со своим языком поосторожнее. Понятно, что на кого попало бросаться не стоит, но, ты знаешь, в Краснознамённом выбор-то невелик. Если хочешь замуж выйти, может, придётся поумерить запросы.

В голосе Аллочки звучало сочувствие, которое совершенно не утешило Арину. «Уеду, – решила она для себя твёрдо. – Куда угодно. Будут мне ещё тыкать всякие».

– Езжай в Челябинск, – посоветовала Аллочка, словно читая её мысли. – Там тебя почти никто не знает. Скажешь: была замужем, развелась. Лучше выйти замуж да развестись – с кем не бывает? – чем старой девой слыть. По крайней мере, пересудов меньше. Маленький посёлок – гиблое дело. Я со школы сколько парней поменяла, пока замуж вышла. Старой девой меня не называли, зато гулящей девкой – постоянно.

Решение осело в сердце Арины, но на тот момент было ещё достаточно сырым. Куда ехать, она не придумала. Кроме Челябинска и Краснознамённого она ничего не знала. Мамина подруга звала в Казань, но, будучи русской, ехать в татарскую столицу Арине не хотелось. Мамина подруга уехала для того, чтобы её дочери сохранили язык и культуру и имели возможность выйти замуж за татар. Именно по этой причине Арине ехать туда не стоило, но доброй Зарине она об этом не говорила. Папина сестра жила в Ярославле. Арина была там несколько раз, и ей нравился этот старинный русский город, такой непохожий на уральские промышленные поселения, но остановиться у тётки было негде, и тогда смысла ехать в Ярославль не было. С таким же успехом можно было снимать квартиру и искать работу в любом крупном городе страны. Но ехать лишь бы ехать казалось бессмысленно.

Многие знакомые, вроде Аллочки, рвались в Москву. Аллочкин муж, Андрей, держал неплохой бизнес, и будь Краснознамённый немного побольше, мог бы открыть сеть продуктовых магазинов. Но поскольку масштабы посёлка не позволяли расширить бизнес и стать нуворишем, а амбиции оставались, он решил попытать счастья в столице. Аллочке тоже казалось тесно в провинции, последний год она то и дело расписывала успешную жизнь москвичей – и культура, и бизнес, и мода, и до Европы рукой подать. Арина в Москву ехать боялась: слишком большой и суетный город. Всё, что она знала – Челябинск, город, в котором она провела пять лет университетской жизни и первый год жизни взрослой, рабочей. Челябинск ассоциировался в её сознании с вольной студенческой жизнью и большими возможностями, но Челябинск был городом Олега, а отношения с ним были очень непростыми. Возвращаться в Челябинск и жить там, не пересекаясь друг с другом, казалось нереальным. Да и глупо как-то снимать жильё, когда у Олега трёхкомнатная квартира, а Инна так гостеприимна. Жить с Олегом – работать на Олега, а это уже пройденный этап. А снимать жильё и работать в челябинской школе – не выжить. Если уж, живя на родительской квартире, ей ничего не удаётся отложить со своей зарплаты, как ещё сюда вместить аренду жилья? Все одноклассники после учёбы вернулись в Краснознамённый. Арина ещё на год задержалась у Олега, потому что было где жить и было где работать, но долго не протянула. Пришлось вернуться к родителям и пойти работать в свою школу, где каждый учитель помнил её ещё ребёнком и как ребёнка до сих пор и воспринимал.

Глава 4. Английский жених

Вернувшись домой, Арина застала отца за чтением газеты – последние тридцать лет он упорно придерживался привычки каждый вечер читать «Известия», хотя и времена изменились, и известия тоже. Отец считал себя ярким патриотом и не хотел менять родной посёлок ни на какую границу. Даже на сытую Германию, куда уже перебралась почти вся родня жены и давно звала его к себе. Он пару раз навестил уехавших родственников, с удовольствием поездил с ними по стране, выпил бочку пива и съел пуд сосисок, но переезжать отказался. Слишком прочное положение у него было в своей стране, чтобы бросить всё ради другой. Он любил поговаривать, что в Краснознамённом он – почётный человек, что его каждая собака знает, а что он будет делать там, в Германии – в автомастерской работать? Здесь, в Краснознамённом, Михаил Федорович был квалифицированный инженер, и сидеть на социальном пособии в чужой стране ему было стыдно. И становиться неквалифицированной рабочей силой тоже стыдно. А ещё отец страстно любил свой маленький зачуханный Краснознамённый, и ему неловко было в этом признаваться. Он любил его самозабвенно, как немеркнущее воспоминание о своём безоблачном советском детстве. Он знал здесь каждую берёзу, и с каждой улицей у него было связано своё воспоминание. В этом озере он купался ещё мальчишкой, тайком сбегая от матери, а возле спасательной вышки сломал ногу, врезавшись в неё на велосипеде с разгону, а в этом пруду выловил своего первого в жизни щурёнка, а на эту площадь ходил на Первое мая с разноцветными шарами, и теперь расстаться с Краснознамённым было выше его сил. Если бы ему пришлось покинуть посёлок, наверное, ему было бы всё равно куда ехать, хоть в ту же Германию. Но бросить ради Германии Краснознамённый он не мог, как не мог предать своё детство. «Немецкая колбаса» не смогла перевесить этой чисто русской ностальгии по берёзам и по лягушкам, квакающим в пруду.

Мама, Эмма Фридриховна, окончила факультет иностранных языков в Свердловске. Во времена её молодости поступить на бюджетное отделение иностранного факультета было так же утопично, как сейчас. Но даже при блатной советской системе приёмная комиссия ничего не могла сказать против прекрасного немецкого языка. Любой ученик знает предмет хуже учителя, но если немецкий – твой родной язык, сложно завалить тебя на экзамене. Можно было бы попробовать на сочинении – но у Эммочки Фогельзанк была золотая медаль, и до сочинения дело не дошло. Скрепя сердце, поставили отлично за устный немецкий и приняли на престижный факультет, на немецко-французское отделение. Студенты на инязе считались золотой молодёжью во все времена, и они были единственными, кому удавалось избежать распределения. Замуж за иностранцев, как нынешние выпускницы, они тогда не выходили, но по окончании института через сеть знакомств устраивались переводчиками на заводы и в крупные фирмы. Эммочка Фогельзанк связей не имела, да и не хотелось ей скрываться от государственных обязательств. Честно поехала по распределению в неизвестный Краснознамённый, честно отработала преподавателем немецкого тридцать лет. Сначала были намерения куда-то вырваться, но куда – не придумала. Разлетевшиеся по Союзу подружки звали в Свердловск, Куйбышев, Ленинград, обещали помочь с трудоустройством, но тогда Эмма уже вышла замуж, у неё появилась маленькая Аришка, и срываться с места казалось рискованным шагом. А потом свёкор, заведующий отделом кадров на заводе, выбил для них отдельную квартиру в центре, показав возможности своих связей, и Эммочка впервые поняла смысл поговорки о том, что лучше быть первым на деревне, чем вторым в Риме. Живя в просторной сталинской квартире с окнами на центральную площадь, она поняла, что ехать на комсомольские стройки ради подвигов и великих свершений нет больше необходимости. Всё-таки она была немкой, а комфортный дом и налаженное хозяйство привлекает немцев больше, чем жажда великих свершений, свойственная непостижимой русской душе.

Арина прошла в тихую гостиную и бесшумно опустилась в кресло. Она самозабвенно любила эти семейные вечера, эту размеренность и комфорт. Старые ходики, доставшиеся в наследство от деда, отбивали часы и минуты, и, казалось, так было всегда, и не было шести лет в Челябинске на съёмной квартире, забитой старой мебелью, не было гречки и макарон с тушёной. А были всегда добротные семейные обеды и тихие вечера за шелестом страниц.

– На плите голубцы и солянка. Поешь и убери в холодильник, – сказала мать, не отрываясь от книги.

– Я не голодная, мама.

– Тогда я пойду приготовлю чай, – поднялся отец. – Мы не пили чай, ждали, пока ты приедешь.

– Как поживает Олежек? – спросила Эмма Фридриховна, откладывая книгу.

– Как обычно. Работает круглосуточно и строит грандиозные планы на будущее. Инна сказала, они собираются поехать в Канаду. Олежек пишет диссертацию. Спрашивал, не можешь ли ты вычитать её перед защитой.

– Хорошо. Он так и не поставил себе программу русской орфографии на компьютер?

– Поставил, но он её всё равно игнорирует. Если хочешь – я могу сама проверить ошибки, а ты просто посмотришь, всё ли последовательно и логично.

– Не надо, дорогая моя, ты и так для него слишком много делаешь. Я надеюсь, он пригласит тебя в Канаду, когда переберётся туда жить? – мать привычным учительским взглядом посмотрела на Арину сквозь очки. Арина смутилась.

– Ты хочешь, чтобы я уехала в Канаду, мама? – осторожно спросила она.

– Я хочу, чтобы ты что-то увидела в этой жизни, дорогая. Мир такой большой, а ты ещё так молода, чтобы хоронить себя в маленьком посёлке. Я знаю, что такое школа. Ввязавшись в эту игру, ты никогда из неё не выберешься.

– Ты же прожила здесь всю жизнь.

– Я жила в другие времена. Когда твой дедушка был заведующим отделом кадров, а моя зарплата была не намного ниже его зарплаты, мы совсем неплохо жили в Краснознамённом. И потом, я была замужем, а это совсем не то же самое. Я не поехала в Ленинград к Лиле Брейш, потому что у меня был маленький ребёнок. Ты сейчас намного свободнее меня.

– Мама, я хочу уехать в Лондон.

– В Лондон? Почему в Лондон?

– Потому что это большой и красивый город. Потому что это мировая столица. Потому что больше никуда не получается.

– И что ты будешь делать в Лондоне?

– Я хочу съездить на каникулах на курсы английского языка. Постараюсь подработать, чтобы немного поездить по стране.

– Где подработать?

– Ой, мама, откуда я знаю? Сейчас буду потихоньку готовиться к поездке и всё выясню.

– Сколько будет стоить твой Лондон?

– Программа стоит пятьдесят тысяч...

– Пятьдесят? Плюс ещё столько же с собой на проживание, питание и проезд. Арина, для твоих двухмесячных каникул папе придётся продать квартиру. Нет, детка, это плохой вариант. Если ты хочешь поехать куда-нибудь на каникулы, мы можем поговорить с тётей Зариной в Казани или тётей Галей в Ярославле. Или хочешь – я отправлю тебя в Ленинград к Лиле Брейш? Ты помнишь тётю Лилию?

– Мам, я хочу в Лондон.

– Детка, Лондон – это совсем нереальный вариант. Это всё равно, что захотеть на Луну. Давай, ты в этом году поедешь в Ленинград, а мы напишем письмо тёте Эльзе в Ганновер

и попросим прислать приглашение для тебя на следующее лето. Ты подучишь немецкий, а мы тем временем подкопим денег. Зачем ехать в Лондон, когда у нас столько родственников в Германии?

– Мама, я не выдержу ещё один год в Краснознамённом.

– Выдержишь. Нужно всё хорошо спланировать. Кто ездит с бухты-баракты, просто потому что ударило в голову? А если Олежек уедет в Канаду, а я в нём не сомневаюсь – если он что-то задумал, он сделает – у тебя будет возможность посмотреть и те края. Может быть, ты даже сможешь пожить там с полгодика, когда они обустроятся. Всё-таки ехать к родственникам – это надёжный, проверенный вариант, а ехать неизвестно куда, в гигантский многомиллионный город, где у тебя никого нет...

– Почему никого? Там живёт Даша.

– Даша? И что за дело Даше до тебя? У неё что, отдельный дом и богатый муж, чтобы приютить тебя на два месяца? Конечно, ты можешь зайти к ней на чашку чая, но они не такие близкие родственники, чтобы навязываться им на два месяца. К тому же ты не знакома с её мужем, и она в Краснознамённом не появлялась уже пять лет, и родители её не видели с тех пор, как она уехала – к какой Даше ты поедешь?

– Хорошо, мам, я ещё подумаю, – Арина немного помедлила, прежде чем задать вопрос, который давно мучил её. – Почему ты не настояла, чтобы мы переехали в Германию, когда уезжали все родственники?

– Ты же знаешь, отец был против. Может быть, для тебя и было бы лучше жить там, а не здесь. Мы много с ним говорили об этом. Если бы ты была тогда немного постарше, мы бы могли отправить тебя с родственниками, но отпускать тебя в пятнадцать лет одну, в незнакомую страну! Здесь ты получила образование, здесь у тебя есть дом и есть мы. А в Германии хоть и родня, но всё же не такая близкая. Эльза уехала с тремя детьми, куда ей ещё было четвертого! К тому же ты её видела только в детстве. Нет, детка, это совсем не та родня, с которой можно было бы выехать. Забудь об этом и не терзайся мыслями о том, что уже не переделать.

– Мам, а если я найду денег, тыпустишь меня?

– Найдешь сто тысяч рублей? Арина, не рассказывай мне сказки. Это Олежек заморочил тебе голову? У него есть сто тысяч рублей, чтобы отправить тебя в Лондон? Или у него есть сто тысяч идей, как хорошо провести время? Нет, всё-таки не нравится мне его влияние на тебя. Я завтра же позвоню ему. А теперь дай мне закончить книгу, дорогая, мне нужно завтра утром сдать её в библиотеку.

Отец вернулся с чаем, Арина перебралась к нему на диван, и они ещё долго сидели и мурлыкали о своём. Арина рассказывала ему про школу, про Аллочку, про старого Бармалея Петровича, директора школы, про свою поездку в Челябинск и новую кухню Олежека, и ни слова про Лондон. Ей не хотелось расстраивать отца. Она хорошо понимала, что у него нет денег на эту поездку, и ему будет неловко признаваться в этом. Она с самого начала знала, что идти за деньгами к родителям бессмысленно. От них нужно было просто согласие. Хотя если посмотреть со стороны – ей двадцать шесть лет, какое ещё согласие ей требуется?

Родители стали готовиться ко сну, и Арина вернулась в свою комнату. В родительской гостиной всегда было так спокойно и уютно, она с детства любила эти тихие семейные вечера за чаем и книгами, неторопливыми беседами и настольными играми. Старинные ходики отбивали часы, и казалось, время останавливалось. Такая тихая гавань, вырванная из этого сумасшедшего мира, и незаметно пролетели в этом доме двадцать лет с коротким перерывом на учёбу, и так же незаметно пролетят ещё двадцать, и когда-нибудь родителей не станет, и она останется одна в этой тихой уютной квартире, и ей будет под пятьдесят, и ей уже будет некуда и не к кому ехать. Она ещё раз вышла в коридор и прислушалась к размеренному тиканью ходиков в гостиной. Родители разговаривали, но так негромко, монотонно, что было не разо-

брать слов. Тик-так, тик-так, сонное царство, добротный, устроенный быт. Так и протикаешь всю жизнь. Нет, надо бежать. Бежать на все четыре стороны. Вернуться всегда успеется.

Арина тихо прикрыла дверь своей комнаты и включила компьютер. Достала из дорожной сумки буклеты из «Импульса» и аккуратно расставила их на рабочем столе. Большой и страшно дорогой календарь с европейскими городами был куплен в книжном магазине под настроение. Арина открыла июньскую страничку с великолепным зданием английского Парламента и долго всматривалась в стройные причудливые башенки. Ей казалось, что человеческие руки не способны создать такую красоту, что над фотографией Парламента основательно поработал художник. Затем она сняла со стены старую потускневшую фотографию. Двое счастливых смеющихся детей на сочинском пляже с огромным красно-белым мячом на первом плане. Ариша и Олежа, лето 1989. Арине десять лет, Олегу двенадцать. Времена, когда родители ещё могли себе позволить выехать всей семьёй на юг. Тётя Галя, мама Олега, в тот год вышла замуж во второй раз и уехала к новому мужу в Ярославль. Олег ехать в Ярославль наотрез отказался и остался с отцом, почти всё свободное время проводя у Бердяевых. По сути, они его дальше и воспитывали, потому что отец Олега временами уходил в запой и через несколько лет замёрз на спасательной башне на пляже. И чего его понесло туда пьяного, и как он нетрезвый забрался на такую высоту, никто так и не понял. «Русская жажда великих свершений», – презрительно отзывалась Эмма Фридриховна. Она окончательно забрала к себе мальчика и больше русскую родню к нему не подпускала. Впрочем, Олежку уже исполнилось шестнадцать лет, и через год он уехал учиться в Челябинск, из которого в Краснознамённый больше не вернулся.

Арина последний раз взглянула на любимую детскую фотографию и убрала её в ящик стола, а на её место повесила английский Парламент.

– Через два с половиной месяца я буду стоять на этом мосту и сверять часы по Биг Бену, – тихо и решительно сказала она самой себе.

После долгих попискиваний и ворчаний компьютер, наконец, подключился к интернету. Связь в Краснознамённом была очень медленной и появлялась не сразу, а после многократных попыток подсоединиться к сети. После полуночи линия становилась дешевле и свободнее, и Арина старалась успевать делать свои дела в ночное время. Привычным движением поудалляла накопившуюся за последнюю неделю рекламную рассылку женихов из брачного агентства и перешла к письмам. За восемь дней – четыре новых письма. Совсем неплохо! Первое из Мексики. Выразительный смуглый мексиканец, шофёр-дальнобойщик написал, что так восхитился её фотографией, что распечатал её в фотомагазине и теперь повсюду носит с собой и любит её на стоянках во время ночных перегонов. Арина немного поёжилась при мысли, что этот смуглый коротыш при этом представляет. Почему-то ей не понравилось быть героиней эротических фантазий мексиканского шофёра. И жить в Мексике она тоже никогда не собиралась. Она уверенно щёлкнула на значок «не заинтересована в знакомстве» и пожалела, что у мексиканца нельзя отобрать свою фотографию. Остаётся надежда, что он сам её выбросит, узнав, что его надежд не оправдали.

Второй поклонник оказался высоким поджарым американцем сорока шести лет. Собственное ранчо в Техасе. Арина с сомнением покачала головой. Конечно, возраст не главное, но жить с мужчиной, который старше тебя на двадцать лет... И она щёлкнула на красный значок отказа.

Третий кандидат, тоже американец, подходил по всем параметрам – возраст, рост, образование. Менеджер по продажам в компании спортивных велосипедов. Бездетный холостяк тридцати двух лет. Имеет собственный дом в Калифорнии, в маленьком городке на побережье Тихого океана... С фотографии смотрел бритый толстячок с двойным подбородком. Арина с надеждой просмотрела оставшиеся четыре фотографии и с сожалением щёлкнула по крас-

ному значку. Её очень огорчало, что многим достойным кандидатам приходится отказывать из-за внешних данных. Ей всегда было немного стыдно в таких случаях – все-таки мужчины не виноваты, что они такие непривлекательные. Хотя иногда виноваты. И этот пончик, возможно, был бы симпатичнее, если бы поменьше ел гамбургеры и почаще ездил на своих спортивных велосипедах. Ну, хорошо, пусть даже это не его вина, такой он родился, и уже никогда не похудеет, даже если совсем перестанет есть. Разве это причина, чтобы выходить за него замуж? Даже если у него есть дом в Калифорнии, прямо на побережье Тихого океана. Но ведь жить-то придётся с женщиной, а не с домом. И даже если допустить мысль, что он прекрасный человек, умный, интересный, с великолепным чувством юмора... Фотография упорно отказывалась быть тому доказательством. К тому же ей ведь нужно не просто жить с ним в доме и кормить его ужином. Ей же придётся с ним спать в одной постели и даже заниматься сексом. От этой мысли Арине стало дурно, и она поспешно свернула окно. Что бы там ни говорили о том, что мужчина должен быть чуть симпатичнее обезьяны, спать с таким уродом она не может. Вероятно, когда-нибудь сможет. Станет постарше и поумнее. Но не сейчас.

Она перешла к четвёртому письму. Оно порадовало её больше. Англичанин Ричард написал уже третье письмо. Он живёт в Йоркшире и возглавляет почтовую службу маленького городка. Ему тридцать семь лет, он высок и симпатичен. Почти как Джонатан. Арина раскрыла словарик и принялась за непростой труд сочинения письма английскому джентльмену из Йоркшира. Английский язык давался не просто. Обидно не уметь выразить себя на бумаге, когда ты так хорошо можешь писать письма на русском. Приходится использовать глупые фразы на уровне пятилетнего ребёнка. «Меня зовут Арина, я работаю в школе. Я учитель истории. Я люблю свой предмет, потому что история – очень интересная наука, рассказывающая нам о прошлом нашего народа. Я живу в маленьком и очень красивом городке на берегу озера. У него очень сложное название, которое описывает красный флаг – символ бывшего Советского Союза. Я родилась в этом городе и прожила здесь двадцать шесть лет». Пропали они пропадом! И Краснознамённый, и йоркширский Ричард. Как хорошо было переписываться с Джонатаном!

Безупречный джентльмен Джон Льюис или Джонатан, как он представился ей в первом письме, написал Арине несколько месяцев назад, вскоре после её возвращения из немецкого центра. В осенние каникулы Арина ездила в челябинский немецкий центр, чтобы оценить свои шансы на выезд в Германию. Она не осуждала желание родителей остаться в России, но ей хотелось пожить несколько лет в Германии, чтобы сделать свой выбор. Девушка в центре посочувствовала ей и сказала, что шансов нет никаких. Что все, кто хотел, уже выехал или хотя бы подал заявку, что люди, желающие уехать, стоят в очереди по пять-шесть лет, и вызовы больше не действуют. Раньше действовала схема восстановления семьи, когда родители вызывали детей, дети родителей, а дяди и тёти могли выписать племянников. Сейчас вызвать друг друга могли только супруги. Мужа в Германии у Арины не было.

– Какой же остаётся выход? – спросила она у девушки.

– Выйти замуж за немца. Желательно за настоящего, а не за русского.

– Но выйти замуж за немца может любая российская девушка. И какой тогда смысл иметь маму с фамилией Фогельзанк?

– Да получается уже никакого. Где ж вы раньше были?

Арина вернулась домой расстроенная и твёрдо решила найти себе немецкого мужа через интернет. Свою анкету на популярном сайте знакомств она разместила ещё прошлой весной, но письма шли более чем вяло, по одному в месяц, пока Арина не съездила в областной центр и не сделала профессиональные фотографии. Роковая брюнетка с восточным разрезом глаз, которая теперь смотрела с экрана в американские и европейские дома потенциальных женихов, мало походила на реальную Арину, но эффект превзошёл все ожидания, и с сентября Арина

стала получать по несколько писем в неделю, все как на подбор, на английском, поэтому она тут же столкнулась с языковым барьером. На сочинение ответа уходило по полтора-два часа, и вечера напролёт она проводила за компьютером. От работы со словарём английский не улучшался, и она почти бросила эту затею с перепиской, пока в середине ноября не пришло письмо от Джонатана. И не перевернуло её планы по поиску немецкого мужа.

Высокий, большеглазый, красивый той спокойной сдержанной красотой, что отличает северных мужчин, Джон Льюис воплотил в себе все мечты об иностранном муже. К тому же, у него было неоспоримое преимущество – он довольно сносно писал по-русски. Когда-то он изучал русский язык в школе и всё время повторял, что не хотел бы терять навыков. Писал он довольно коряво, но утверждал, что понимает абсолютно всё. С ним Арина могла общаться на любую тему, рассказывать про свой Краснознамённый, работу, родителей, учёбу в Челябинске. Их переписка длилась три месяца, потом в середине февраля Джонатан неожиданно исчез. Арина написала три письма подряд, но не получила никакого ответа. А между тем, почти с первого его письма она начала посещать курсы английского языка для взрослых, организованные при школе, и постоянно бегала к Аллочке за консультацией. Некоторое время назад она почти решила ей признаться, что ищет мужа через интернет, но побоялась её несдержанного язычка. Ещё не хватало, чтобы в школе узнали, что она хочет иностранного мужа. Бог весть что подумают, а уж чего наговорят по всему Краснознамённому! Нет, лучше уж промолчать, а потом тихо уехать.

Английский понемногу из никакого стал превращаться в какой-то, но предложения приехать в Англию пока не поступало. Арина обмолвилась, что с первого июня она идёт в отпуск, Джонатан воодушевился и предложил ей приехать в гости, но позднее к этой теме не возвращался, а к весне и вовсе пропал. Арина не сильно встревожилась, только немного расстроилась. Может быть, уехал куда-нибудь или возникли проблемы. Три недели – небольшой срок. Правда, она уже привыкла получать от него письма почти каждый день, и ей казалось, что он больше чем кто-либо в курсе её дел. Даже Олежеку она теперь столько не рассказывала. И вообще Джонатан с самого своего появления подвинул Олежека. Теперь его фотография стояла на Арином столе на том же месте и в той же рамке, в которой стояла раньше фотография Олежека. Каждое утро Арина встречалась с ним взглядом и даже иногда разговаривала вечерами. Позвонить ему по телефону она так ни разу и не решилась – потом придёт счёт и придётся объяснять родителям, что за телефонные переговоры с Англией. А сам он тоже не звонил. Наверное, было очень дорого. Всё-таки пять тысяч километров. Шутка ли.

За месяцы переписки Арина столько прочитала об Англии, её культуре и людях, что ей начало казаться, что она жила в этой стране всю жизнь. Англичане были очень вежливы и практичны, ходили в длинных пальто и шляпах, ездили в чёрных кэбах, пили чай с печеньем в пять вечера и придерживали дверь торговке цветами, потому что она тоже «леди». Классический шедевр английской литературы «Гордость и предубеждение» стал её настольной книгой, она даже выпросила у Алочки издание на английском, но дальше трёх страниц не продвинулась. Мистер Дарси разительно отличался от знакомых мужчин и казался ей воплощением всех достоинств. Девушка достала свои университетские учебники по зарубежной истории и дотошно проследила весь путь исторического развития великой державы. Теперь можно было не бояться блеснуть эрудицией в кругу английского мужа.

Осталось только подучить язык. И она продолжала исправно посещать английские курсы и сидеть вечерами с разговорником. Свой английский оттачивала в переписке с другими англоговорящими мужчинами, чтобы потом неожиданно удивить Джонатана. Ведь когда они начали переписываться, она призналась, что в школе учила немецкий, а по-английски знает всего двадцать слов. Теперь она уже знала пятьсот и каждый день расширяла словарный запас. Письма американским поклонникам сочинялись довольно бодро, правда, оставались на том же школьном уровне. «Меня зовут Арина, я живу в посёлке со сложным названием и преподаю историю

в школе». Но ничего – вот поедет в Англию и за два месяца подтянет язык. Письма писать уже получается, останется только научиться разговаривать. А то в Краснознамённом и поговорить не с кем.

Арина закончила письмо английскому почтальону и выключила компьютер. Часы показывали половину второго, а завтра на работу к первому уроку. Опять придёт отец и будет уговаривать её встать. Она будет брыкаться и отказываться, а отец будет укорять, что учителя не опаздывают на уроки. Как в старом анекдоте про Вовочку, который не хотел идти в школу, потому что Иванов будет обзывать, Петров драться, а Сидоров кнопки на стул подкладывать. А мама говорила: «Ну как же ты не пойдёшь, Вовочка, ты же директор школы».

Арина ещё раз взглянула на портрет Джонатана, поцеловала его, по привычке, в лоб и выключила ночник. Перед сном удалось помечтать немного о большом английском доме с садом с розовыми кустами, которые, как рассказывал Джонатан, цветут в каждом английском саду.

Глава 5. Дальняя дорога

До весенних каникул от Джонатана не пришло ни строчки. Арина была очень расстроена. Может быть, она зря написала, что хочет приехать в Англию в июне. Может быть, эта новость была преждевременной, и она только спугнула неторопливого англичанина. Может быть, английские девушки так не поступают. Или у него на самом деле не было серьёзных планов относительно неё? Может, он вёл переписку с несколькими девушками (она же переписывается с другими мужчинами, по крайней мере, пытается), и ему попалась более интересная кандидатура. Может быть, она написала что-то, что смутило его. Она десятки раз перечитывала свои последние письма, но не находила в них ничего крамольного.

А тут позвонил Олег и сказал, что нашёл для неё деньги. Что он уже совсем было хотел отговорить её от этой затеи и предложить ехать с ними в Канаду следующей весной, но буквально через пару дней после её визита фирма получила выгодный заказ, «сделали хорошую денежку», и ему теперь просто неудобно отказать ей. Вот только ему совершенно некогда заниматься её документами, потому что нужно срочно дописывать диссертацию, чтобы научный руководитель мог посмотреть её перед своим отпуском. Поэтому Олегу теперь предстоит провести неделю в публичной библиотеке, подыскивая недостающую литературу. Арина с радостью согласилась просидеть эту неделю в библиотеке за Олега, лишь бы он успел оформить все необходимые справки для поездки в Лондон. Девушка в момент простила ему все его недостатки и всю свою неустроенную личную жизнь, улыбка не сходила с её лица целую неделю. Она не могла спокойно ходить по школьным коридорам, ей хотелось пританцовывать на ходу, и Аллочка, подозрительно прищулив глаза, спросила Арину в лоб:

– Ну и кто он?

– Кто он?

– Что за хахаль у тебя появился?

– Какой хахаль?

– Не притворяйся, на тебе же всё написано. Ходишь улыбаешься, как медовый пряник.

– Так ведь весна, Аллочка! Просто весна! Снег растаял, птицы поют!

– Ну, так весна уже три недели как идёт. Что-то по тебе не было заметно.

– Каникулы! Последний день третьей четверти – как тут не радоваться! Целую неделю каникулы, поеду в Челябинск к Олежеку.

– Ну-ну, к Олежеку. Ты купила белый берет?

– Какой берет, Аллочка? Я и так красивая. Красивая и счастливая.

– Дурочка ты влюблённая, вот кто. Смотри глупостей не делай, скажи, что ты девушка старомодных взглядов, что строгий папа тебя из дома не выпускает, поэтому ты можешь жить с мужчиной только в законном браке. Постройшь из себя недотрогу месяца три, а больше он сам не выдержит.

– Какая ты глупая, Аллочка. Разве не может быть женщина счастлива просто так, без мужчины?

– Не может, – решительно заявила Аллочка. – У тебя нет ни квартиры, ни денег, ни секса – какое уж тут счастье?!

Арина только улыбнулась такой немудрёной жизненной философии.

– А мы в Москву завтра едем, – неожиданно сказала Аллочка.

«А я в Лондон!» – хотела добавить Арина, но сдержалась. Побоялась сглазить.

Вечером к ней в комнату пришел отец для серьёзного, как он выразился, разговора. Мать, конечно, рассказала ему про Лондон. Она вообще была сдержанным человеком, немногословным, но на этот раз сердце её было беспокойно, и ей хотелось с кем-то поделиться пережива-

ниями. Чесать языком с соседками она не любила, поэтому супругу пришлось принять эмоциональный удар на себя.

– Ты действительно хочешь поехать в Лондон, Ариша?

– Папа, это моя самая большая мечта!

– Может быть, мама права, и лучше поговорить с тётёй Эльзой и её мужем, чтобы они пригласили тебя в гости в Ганновер?

– Папа, ну что такое Ганновер по сравнению с Лондоном? Сидеть два месяца с роднёй перед телевизором? Ты же сам говорил, что они никуда не выезжают и ничего не посещают, просто работают целыми днями, а по вечерам пьют пиво и смотрят российское телевидение.

– А как ты собираешься возвращать эти деньги Олегу?

– Я отработаю. Я списалась с Дашей, она обещала помочь мне с работой. Если вдруг не успею до августа, задержусь до сентября, возьму август за свой счёт. Ты представляешь: летние каникулы в Лондоне? Ты только вслушайся в эти слова! Разве ты когда-нибудь мог представить что-нибудь подобное?

– Я и сейчас представить не могу. Как мне страшно за тебя, мышонок.

– Папа, даже мне не страшно, – соврала Арина.

– Тебе не страшно, потому что ты ничего не видела ещё в этом мире.

– Так ведь я никогда и не увижу, если буду сидеть дома.

Отец тяжело вздохнул.

– Дай мне посмотреть твои буклеты из турагентства.

– Это не турагентство. Это клуб международного обмена. У них очень серьёзная репутация и пятнадцатилетний опыт работы. Они отправили за рубеж сотни студентов, люди возвращаются с деньгами и впечатлениями. Я видела этих людей у них в офисе. Они приходят снова, потому что хотят ехать и на следующие каникулы.

– Может быть, у этих студентов богатые родители.

– Нет, пап, просто у этих студентов более смелые родители. Они не боятся отпускать восемнадцатилетних детей. А мне уже двадцать шесть, ты не забыл об этом?

– Если бы тебе не было двадцать шесть, я бы никогда не согласился на эту поездку. Но я знаю, что ты разумная девочка и не наделаешь глупостей.

– Вот именно. Возьми буклет на столе.

Отец потянулся к разноцветной стопке.

– А это что за молодой человек на фотографии?

– А, один знакомый, – махнула рукой Арина.

– Краснознамёнский?

– Ну конечно! Разве здесь могут быть такие интересные мужчины!

– Челябинский? Кто-то из приятелей Олега? – отец придирчиво изучил портрет Джона-тана. – Но он не молод, Аришка. Я бы дал ему около сорока.

– Тридцать восемь.

– У него уже наверняка двое детей. И он был женат. Может быть, даже неоднократно.

– Папа, у него нет детей. И он не был женат. А даже если бы и был, разве это делает его хуже?

– А почему ты уверена, что у него нет детей? Может быть, он по уши повязан алиментами?

– Нет у него никаких детей. И бывших жён тоже нет. Разве что бывшие любовницы, что при его внешности вполне допустимо.

– Ну, хорошо, хорошо. Наверное, хорошего мужа действительно нужно ещё поискать. Здесь уже почти никого не осталось. Как изменились времена! Раньше мужчины искали себе достойную жену по всей округе. Сейчас этим занялись женщины. Вот они, издержки эмансипации.

– Папа, ты рассуждаешь, как будто тебе сто лет. «Времена изменились... Издержки эмансипации...». Если хочешь достичь успеха в любом деле, нужно как следует потрудиться. Может быть, пришло время побегать, чтобы найти себе хорошего мужа.

– Где это видано, чтобы мышеловка бегала за мышами? – фыркнул отец. – Ну да что теперь молотить воду в ступе. До лета ещё целых два месяца. У тебя есть ещё время передумать, – успокоил он себя.

– После того, как Олег согласился дать денег? Ни за что в жизни!

– Я тоже дам тебе денег. Тысяч пятнадцать.

– Зачем? Ты же хотел сменить машину.

– Ну что, ты поедешь в Лондон во всяком тряпье? Я не могу позволить, чтобы моя дочь была хуже всех одета. Какой лорд обратит на тебя внимание?

– Какой ты смешной, папа. Разве для того, чтобы удачно выйти замуж, нужно быть хорошо одетой?

– Но, согласись, это совсем не помешает.

После ухода отца Арина ещё раз проверила электронную почту и всерьёз задумалась. Джонатан не писал. Писал йоркширский Ричард и был на примете ещё один Ральф с Корнуэльского полуострова, от которого пришло два письма. Не самый удачный вариант, но почему бы не обменяться ещё парой сообщений, чтобы окончательно убедиться в этом? С тех пор как Арина решила ехать в Лондон, ещё одна идея не давала ей покоя. До сих пор она только ждала, пока мужчины обратят внимание на её фотографию на сайте и напишут письмо. Что если попробовать написать первой? На сайте есть опция расширенного поиска. До сих пор она пыталась ей пользоваться чисто из любопытства, задавая необходимые параметры: рост, возраст, уровень образования. Чем строже становились критерии, тем меньше компьютер выдавал кандидатур. Зато какие мужчины там оставались! Жаль, что ни один из них не написал ей. Теперь у Арины созрел грандиозный план. А что если в поисковике задать не только приблизительные критерии, но и указать страну проживания, а ещё лучше внести слово «Лондон» и посмотреть анкеты и фотографии всех, кто зарегистрирован на сайте. Компьютер пыхтел минут десять, нервируя Арину, и, наконец, выдал восемьдесят четыре анкеты. Девушка стала бегло их просматривать. Интернет работал из рук вон плохо. Если бы она не сидела в своё время в офисе Олега, она бы до сих пор не знала, что интернет может работать быстро, и много бы от него не требовала. Но обеспечить более удачную связь в Краснознамённом было невозможно. Скажите спасибо, что цивилизация вообще дошла до вашей деревни.

В принципе, кандидаты высвечивались неплохие. И среди них даже немало симпатичных. Англичане, определённо, оказались более привлекательной и стройной нацией, чем американцы. Породистые блондины со слегка удлинёнными лицами, иногда брюнеты, но тоже симпатичные. Большие, немного грустные глаза. Что ж, это отличные новости! Теперь только осталось написать всем этим ребятам, что она приезжает в Лондон в июне. Два месяца – не так уж много. Нельзя терять ни дня.

Тут же было составлено письмо.

«Дорогой сэр!

Увидела вашу фотографию на сайте и не могла остаться равнодушной. Скажите, вы действительно хотите найти русскую жену? Вы готовы принять женщину, которая выросла в другой культуре, соблюдает другие традиции и даже говорит на другом языке? И вы готовы поехать в далёкую и холодную Россию, чтобы познакомиться с ней? А что вы скажете, если одна из русских невест будет через два месяца в Лондоне и готова встретиться с вами? Не хотите ли незамедлительно ответить на её письмо?»

Вот и всё. Коротко и оригинально.

«По-моему, если мужчина всерьёз ищет русскую жену, он не может не отреагировать на такое послание, – рассудила Арина. – Ведь для этого даже ехать никуда не нужно. А сколько денег сэкономится на билетах в Россию! А всё из-за тебя», – упрекнула она портрет Джонатана. Джон Льюис продолжал беззаботно улыбаться, не осознавая той мощной конкуренции, которая грозила ему в ближайшие недели.

Нужно попросить Аллочку помочь с переводом. Придётся ей всё-таки признаться в интернет-затее. Кажется, она искренне желает для Арины хорошего мужа, и, может быть, ей будет интересно ввязаться в эту историю. Потому что если на Арину вдруг свалится два десятка поклонников с туманного Альбиона, ей просто придётся сочинять письма под копирку и отправлять их всем одновременно. Можно уже заранее придумать текст по-русски. А потом она приедет в Лондон и будет каждый день встречаться с разными мужчинами. Заодно они покажут ей город и, может быть, даже другие английские города, она сможет хорошо провести время и подучить английский. И если вдруг с кем-то из них возникнет симпатия, может быть, он пришлёт ей потом визу невесты, и она приедет снова, уже как невеста английского джентльмена. А может быть какой-нибудь новый Джонатан так сильно влюбится в неё, что уже не отпустит обратно в Россию и решит сразу жениться. Тогда она вышлет из Англии приглашение для родителей и Олега с Инной, и они все поймут, что напрасно не хотели отпускать её в Лондон... Когда они увидят двухэтажный дом её мужа, и сад с цветущими розовыми кустами, и весь туманный английский остров, и всех этих вежливых и участливых людей в длинных пальто...

Арина уснула, не успев додумать план до конца. Всю ночь вокруг неё плавали розовые кусты, они кружились хороводом и разбивались в танце на галантные пары под «Вальс цветов» Чайковского. И где-то рядом стояли родители, и Арина в подвенечном платье бегала среди этих кустов и искала своего жениха, чтобы познакомить их.

– Где мой Джонатан, кто-нибудь видел Джонатана?

* * *

В свердловский аэропорт «Кольцово» Арина и Олег прибыли почти впритык, постояв по дороге во всех возможных пробках. Времени на долгие прощания уже не оставалось. Арина никогда не летала одна и страшно боялась потеряться или пропустить свой рейс, поэтому Олег без слов припарковал машину на платной стоянке, прошёл с ней регистрацию, сдал багаж и проводил до самых ворот службы безопасности аэропорта, за которой располагались магазины с алкоголем, матрёшками и поделками из уральских полудрагоценных камней. Дальше уже нельзя. За узкой белой полосой – только улетающие. За узкой белой полосой – другая жизнь. Олег держал в одной руке пакет с продуктами, другой сжимал холодную руку Арины. Арина крепко прижимала к груди паспорт с бесценной визой и едва соображала, что происходит.

– У тебя странные глаза, котёнок. Мне кажется, ты не вернёшься, – грустно сказал Олег.

– Ты беспокоишься о деньгах? – Арина вышла из оцепенения.

– Я беспокоюсь о тебе.

– Не волнуйся, я всё верну тебе, до последнего рубля. Я обещаю. Тебе не придётся жалеть, что ты поддержал меня. Если нужно будет – я буду работать кем угодно.

– Вот этого-то я и боюсь. Я не отношусь к твоей поездке как к рискованному капиталовложению. Мне кажется, в Лондоне не ждёт тебя ничего хорошего, и, наверное, я зря согласился.

– Олег, это моё решение. Твоего согласия никто не спрашивал. Каждый имеет право на ошибку. Если поездка в Лондон – это моя ошибка, то мне и расплачиваться за неё.

– Если тебе будет там плохо, возвращайся немедленно.

– У меня билет на второе августа. Следовательно, я вернусь второго августа. В крайнем случае, к первому сентября. Так мы договорились с Бармалеем.

– Если у тебя всё сложится с твоим англичком – какое тебе дело до Бармалея!

– Перестань называть его англичком.

– Мне он не нравится. Есть что-то подозрительное в мужчине, который не женился до тридцати восьми лет. У него странное выражение лица. Он наверняка сноб. Он будет кичиться своим высоким положением. Ты станешь домашней рабыней. Я ничего о нём не знаю. Почему я должен спокойно отдавать тебя совершенно незнакомому мужчине?

– Потому что я не принадлежу тебе. Ты всегда об этом забываешь!

– Но я всё равно забочусь о тебе.

– Олег, поверь, лучше бы ты не заботился. Мне было бы намного легче жить. Лучше бы ты никуда меня не брал и ни во что не посвящал, лучше бы нам было вариться в разных котлах и идти разными путями.

– Ты жалеешь о нашей весёлой студенческой юности? Обо всём, что было?

– А что было? Все эти годы я копировала твою жизнь, была твоим отражением, твоей тенью. У меня нет ничего моего. Меня часто принимали за твою жену, настолько я вжилась в эту роль. И, знаешь, временами мне это льстило. А сейчас я пытаюсь вырваться из этого замкнутого круга, да, я ухожу от тебя, потому что настало время независимости.

– Ты уходишь от меня за мой счёт.

– Парадокс. Но тебе же всегда нравились парадоксы.

– Я хотел, чтобы ты была счастлива. Разве тебе было плохо? Разве тебе не нравилось?

– Олежек, ты продолжаешь играть со мной, как кошка с мышкой. Какая разница, нравилось или не нравилось? Ты до сих пор морочишь мне голову, а я уже не маленькая девочка. Ты женат, у тебя ребёнок, и мне больше нет места в твоей жизни.

– Ты уходишь навсегда?

– Может быть, я вернусь. Но не раньше, чем у меня появится своя семья. Иначе это слишком неравные условия.

– Обещай мне одну вещь.

– Олег, пожалуйста, давай обойдёмся без обещаний.

– Не выходи замуж за кого попало. Просто назло мне.

Она решительно шагнула по направлению к контролю и встала в очередь. В течение десяти минут ожидания она ни разу не оглянулась назад, хотя знала, что Олег смотрит на неё встревоженно и удивлённо, как будто увидел впервые в жизни. Может быть, впервые в жизни, он, наконец, её разглядел.

Часть вторая

Глава 6. Попутчик

Самолёт готовился ко взлёту, английские стюардессы энергично предлагали услуги на языке, из которого Арина улавливала только «пожалуйста» и «спасибо». За два месяца упорного изучения языка она подтянула английскую грамматику и значительно расширила лексический запас, но понимание на слух не давалось никак, и даже профессиональных оксфордских дикторов Арина понимала только после третьего прослушивания аудиозаписи. «К языку надо привыкнуть, – успокаивала Аллочка, – первый день будет не легко, второй. Через неделю ты уже начнёшь понимать кассиров в магазинах и несложные диалоги, а через месяц научишься понимать всех. У тебя просто не будет другого выхода. Это всё равно что выпрыгнуть из лодки в воду и волей-неволей начать плавать».

Арине пришлось посвятить Аллочку в свои планы на лето, поскольку другого учителя английского языка в Краснознамённом не было. Во всем посёлке по-английски говорила только Евдокия Степановна, учительница ещё старой закалки, которая и через пятнадцать лет после выхода на пенсию продолжала преподавать в школе. Другой жизни она не знала, пенсия страшила бездеятельностью и никчёмностью, и она по привычке шла каждое утро в школу, чтобы вбивать неправильные глаголы в детские головы. Всё с той же указкой, в тех же очках, с тем же узлом волос, только поседевшим и поредевшим со временем. Последние двадцать лет в её жизни ничего не менялось. Вот только мир поспешно менялся, рынок наводнили американские фильмы, видеоигры, из эфиров неслись песни на английском, а в крупных городах стали появляться международные компании, куда приглашали на работу специалистов со знанием языка. Эта волна всё ещё не докатилась до Краснознамённого, хотя и здесь школьники смотрели американские фильмы и слушали англоязычную музыку, но главным двигателем прогресса стал интернет, где прогрессивная молодёжь всё время отыскивала что-то достойное внимания и, следовательно, нуждалась в переводе.

Непосредственный интерес к английскому языку испытывали люди, покупающие электронику и бытовую технику без руководства по использованию на русском языке, и Аллочка довольно успешно переводила инструкции и материалы из интернета за определённую мзду. Если бы Краснознамённый был раза в два покрупнее, возможно, у Аллочки не было бы отбоя от репетиторств, но пока жителям Краснознамённого английский нужен был только для того, чтобы получить сертификат об окончании школы. Поэтому когда Арина пришла к коллеге с просьбой использовать все самые современные пособия, которые можно достать, та пришла в суший восторг. Аллочка была удивлена и впечатлена её решимостью и охотно взялась за репетиторство, умоляя звонить или хотя бы писать каждую неделю и рассказывать, как обстоят дела в Лондоне. Она привезла из Челябинска видеокурс для студентов, и девушки пошли по стандартным темам: экскурсия по городу, деловое знакомство, ресторан, шопинг. Пожалуй, теперь Арина могла вполне сносно объясниться в критической ситуации. Купить билет, спросить дорогу, сделать заказ в ресторане. Последняя тема, которую они успели захватить – разговор в гостинице. Снимать номер, правда, не придётся: в аэропорту её должна встретить квартирная хозяйка и отвезти на предоплаченную на две недели квартиру.

Денег на текущие расходы было совсем немного. Отец дал обещанные пятнадцать тысяч, из которых после небольших дорожных расходов вышло двести двадцать фунтов. Перед самым отъездом немного смущённая мать вручила ещё десять тысяч. Сказала, что дедушка завещал ей небольшую сумму денег – на свадьбу, но поскольку за пять лет свадьбы так и не случилось,

может быть, лучше взять эти деньги с собой на всякий случай, пока они не обесценились. Только при условии не тратить их без крайней необходимости.

Арина ещё раз взглянула в окно, словно неприглядный пейзаж московского аэропорта мог стать ностальгическим воспоминанием о родине. С Москвой её ничего не связывало, она там никогда не была, но увидеть из окна центральную площадь Краснознамённого вместе с родным домом не представлялось возможным. Вот и всё. Со старой жизнью покончено. Впереди лето, способное изменить её жизнь. Даже если так и не получится связаться с Джоном, она попробует встретиться с почтальоном, и тем парнем из Корнуолла, и ещё парой новых друзей по переписке. Тщательно выбранная на вещевом рынке и несколько раз перемеренная одежда должна подчеркнуть достоинства фигуры и скрыть недостатки, а новые, безумно дорогие туфли на шпильке, которые Аллочка привезла ей из Москвы, сделают её по-настоящему неотразимой.

Арина нехотя отвела взгляд от окна, боясь, что последний кусочек родной страны пропадёт навсегда, если она перестанет на него смотреть. Самолётов она не боялась, хотя особо с ними не приходилось иметь дела – в детстве они ещё летали с родителями на море, но с наступлением капитализма билеты на самолёт стали их семье не по карману. Сейчас же она ощутила такой внезапный прилив ностальгии, как будто покидала страну навсегда. Слёзы подступили к глазам, и она поспешила отвести взгляд от окна, чтобы не расплакаться. Ещё чего – плакать накануне такого судьбоносного путешествия.

Вечера напролёт просматривая фотографии Лондона в интернете и мысленно бродя по знаменитым на весь мир улицам, она наизусть заучивала свои будущие маршруты. Вот она идёт по Оксфорд-стрит, торговой артерии города с сотнями больших и маленьких магазинов по обеим сторонам, потом заворачивает на Риджент-стрит, роскошную историческую улицу с белыми каменными зданиями-исполинами, выходит на Пикадилли-сёркус с его классической статуей Эроса, возле которой, согласно путеводителю, нельзя провести и полчаса, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых, настолько бойкое место. Вокруг Пикадилли-сёркуса расположены знаменитые театры Вест-Энда, где ставят самые популярные мюзиклы, годами не сходящие со сцены. Она собирается на «Mamma Mia» и «We will rock you», основанные на музыке «ABBA» и «Queen», которых она обожает. По крайней мере, об этом она вдохновенно рассказывала в посольстве Великобритании при получении визы. С Пикадилли-сёркуса можно пройти до Трафальгарской площади или свернуть на улицу Пикадилли и прогуляться вдоль роскошных пятизвёздочных отелей «Ритц» и «Меридиан», пересечь Грин-парк и выйти к самому Букингемскому дворцу. Может, повезёт, и она увидит королеву... А потом ещё Биг-Бен и Тауэр с мостом, многочисленные английские пабы и кафешки, где подают послеобеденный чай с печеньем. Ну и, конечно, Гайд-парк, который – вот это везение! – располагается всего в десяти минутах ходьбы от её колледжа. А ещё нужно прокатиться на самом большом в мире колесе обозрения, названном «Лондонский Глаз», и сходить в музей восковых фигур мадам Тюссо, и побывать на Бейкер-стрит, которая – ещё одно везение – тоже в двух шагах от колледжа. Ах, сколько всего нужно успеть, а лето такое короткое...

Стюардессы уже шли по салону, проверяя пристёгнутые ремни, как вдруг в проходе появился высокий русоволосый мужчина с мятой газетой «Таймс» в руках. В какой-то момент Арине показалось, что Джонатан сошёл с фотографии и зашёл в салон самолёта. По мере приближения мужчины Арина уже почти убедилась, что видит перед собой своего английского поклонника, и зажмурила глаза, готовая проснуться в своей постели в Краснознамённом и вздохнуть с сожалением. Когда она открыла глаза, мужчина подошёл к её ряду и обратился к ней с продолжительной фразой.

– Что? – тихо выдохнула Арина по-русски.

Мужчина терпеливо повторил свою фразу, но Арина поняла только «сидеть здесь». Она отчаянно замотала головой, пытаясь сказать, что здесь никто не сидит. Мужчина растерянно

улыбнулся и обратился с тем же вопросом к женщине, сидящей у окна позади Арины. Женщина заулыбалась, закивала, и он сел в кресло возле прохода.

Подошедшая русская стюардесса пояснила Арине:

– У этого пассажира место у окна, а он боится высоты. Он просто спросил, свободно ли кресло рядом с вами. Но вы не волнуйтесь, ситуация разрешилась.

«Идиотка, – укорила себя Арина. – Четыре часа полёта. Мужчина хотел сесть рядом со мной. Я упустила свой шанс».

Англичанин внезапно снова возник в проходе и спросил что-то по-английски, затем указал на газету «Таймс», лежащую под её сиденьем. Арина моментально нырнула под сиденье и достала оброненную им газету, немного помедлила, прежде чем отдавать её. Мужчина стоял и терпеливо ждал. На его лице не отражалось ни одной эмоции.

Арина смотрела на него и не могла выдавить из себя ни слова. Все английские фразы вылетели из головы, и она лихорадочно пыталась хоть что-то вспомнить.

«Скажи же что-нибудь, скажи, – приказала она себе, – не будь идиоткой, он сейчас встанет и уйдёт. Ты же полгода учила английский язык. Ты должна быть способна сказать хоть что-нибудь».

– Хеллоу, – наконец произнесла она. – Хау а ю?

– I am fine, thank you. And you?

– Файн. Ай эм ОК. Олсо. Эсксюзми плиз. Май нэйм из Арина. Зис из э олд рашн нэйм. Ай эм фром Челябинск. Ит из саузэн парт оф Урал. Вот из ё нэйм?

– John. John Lewis. Nice to meet you, Irena. Can I have my paper please?²

– Пэйпер? – растерянно произнесла Арина.

Джон Льюис указал на газету, которую Арина теребила в руке. Она тут же протянула газету мужчине.

– А, ньюспэйпер! Ай эм сорри.

– That's OK. Thank you very much³.

Арина рухнула на спинку кресла в глубоком отчаянии.

«Что толку в полугодовом изучении языка, если я стою напротив мужчины своей мечты и не могу произнести ничего значимого? И вот, он смотрит на меня как на какую-то идиотку и абсолютно не впечатляется. А я, как назло, надела джинсы и футболку, забрала волосы в пучок, чтобы не мешались в дороге. Даже не накрутилась. Ну кто в таком виде едет искать женихов? Почему я не подумала, что Англия начинается уже в самолёте?!»

– Девушка, – подозвала она русскую стюардессу, – вы говорите по-английски?

– Конечно, – высокомерно отозвалась стюардесса. – Я работаю на британских авиалиниях.

– Пожалуйста, не могли бы вы сказать этому мужчине позади меня, что он напоминает мне одного знакомого, которого тоже зовут Джон Льюис, может быть, он узнает меня.

– Как же вы общались со своим знакомым Джоном Льюисом, если вы не говорите по-английски? – скептически подняла брови девушка.

– Он хорошо говорил по-русски. Писал.

– Ну, тогда и спросите его по-русски.

– Я не уверена, что он может говорить.

Девушка вздохнула и перешла к англичанину. Они о чём-то поболтали, посмеялись, она откровенно кокетничала и косила глаза на Арину. Арина боялась представить, что стюардесса говорит мужчине, наверное, решила, что она увидела первого в жизни иностранца и сразу же

² – Здравствуйте. Как поживаете? – Спасибо. Хорошо. А вы? – Я тоже. Извините. Меня зовут Арина. Это старинное русское имя. Я из Челябинска, это южная часть Урала. Как вас зовут? – Джон. Джон Льюис. Приятно познакомиться. Могу я забрать свою газету?

³ Всё в порядке. Большое спасибо.

решила в него вцепиться. Мужчина внимательно посмотрел на Арину и отрицательно покачал головой.

– Чёрт побери, – пробормотала Арина в тихом отчаянии. – Конечно, он не узнал меня. Он ведь видел меня на фотографиях в этом роковом макияже, конечно, он не узнает меня вживую.

Весь полёт Арина провела в расстроенных чувствах, укоряя себя за упущенную возможность сидеть рядом с Джоном и штудировав английский словарь в надежде найти и выучить те самые жизненно важные слова. За окном быстро стемнело, и любоваться видами стало бессмысленно. Только когда самолёт влетел на территорию Великобритании, она не могла удержаться от восхищённого возгласа. Большие и маленькие города с горящими жёлтыми огнями казались россыпью золотого бисера по чёрному бархату, а освещённые фонарями дороги объединяли их в причудливый узор, напоминая расшитый золотом наряд. Когда же самолёт пошёл на посадку над Лондоном, у неё захватило дух. Лондон в подсветке вечерних огней казался сказочным городом, а когда она увидела золочёный шпиль Биг-Бена и колесо обозрения на реке, то пришла в неопишуемый восторг.

«Я прыгнула выше собственной головы, – подумала Арина. – Я прилетела в Лондон».

Когда самолёт приземлился, она поспешила за Джоном, стараясь не упустить из вида его светло-голубую рубашку. Нагнав его в переходе, она почти отчаянно завопила.

– Excuse me, please! John! Wait, please.⁴

Англичанин остановился и терпеливо посмотрел на неё. Воистину, Англия – страна джентльменов. Он, наверное, уже решил, что она чокнутая, но всё равно стоит и ждёт, что она ему скажет.

– I am not crazy, please, believe me. This is my first day in London and I don't speak good English. I come to see my friend. His name is John Lewis. He lives in Kent. We corresponding for several month and he is lost. I want to find him. Can you help me?⁵

Англичанин постоял несколько секунд в замешательстве, потом разразился потоком фраз. Арина некоторое время отчаянно слушала негромкую беглую речь, не понимая ни слова. Он немного помолчал и сказал что-то ещё, но Арина уже даже не пыталась вникнуть. Вся безысходность её положения встала перед глазами. Говорить по-английски было недостаточно. В определённых ситуациях гораздо важнее было понимать, и в этом не мог помочь ни один разговорник.

Джон подозвал сотрудницу аэропорта и обмолвился с ней парой фраз, жестом указал на Арину. Потом улыбнулся и произнёс ещё пару длинных фраз, указывая теперь на сотрудницу аэропорта, и добавил в конце две коротких фразы, которые Арина различила.

– I have to go. See you, – он ещё раз вежливо улыбнулся и растворился в толпе.

– Come here, my dear, – обратилась к ней женщина с такой же вежливой улыбкой и произнесла очень медленно и отчётливо. – This gentleman told me you are looking for your friend. As I understood he was going to meet you in the airport but did not arrive. He must be in the waiting area. You will see him, when you pass customs. Would you like me to contact him? Do you have his phone number?

– I am all right, – тихо произнесла Арина. – I have friend which meet me in the airport.

– Are you sure? – ещё раз переспросила сотрудница.

– I am all right⁶, – ещё раз повторила Арина и побрела на паспортный контроль.

⁴ Простите, пожалуйста! Джон! Подождите, пожалуйста!

⁵ – Я не сумасшедшая, пожалуйста, поверьте мне. Это мой первый день в Лондоне, и я не говорю хорошо по-английски. Я приехала повидать своего друга. Его зовут Джон Льюис. Он живёт в Кенте. Мы переписывались несколько месяцев, а потом он пропал. Я хочу найти его. Вы можете мне помочь?

⁶ – Я должен идти. До встречи. – Подойди сюда, моя дорогая. Этот джентльмен сказал мне, что ты ищешь своего друга. Насколько я понимаю, он собирался встретить тебя в аэропорту и не приехал. Он, должно быть, в зале ожидания. Ты увидишь

Непривычно приветливый офицер на паспортном контроле попросил Аринин паспорт и начал задавать рутинные вопросы. К этому разговору она была готова, но всё равно внутренне напряглась, опасаясь, что в случае неправильного ответа её развернут прямо с аэропорта и отправят обратно в Москву. Офицер же, напротив, чувствовал себя очень комфортно, всё время улыбался и тихонько кивал головой, изучая её паспорт. Его приветливость показалась Арине немного наигранной. Она, конечно, была наслышана, что в Европе люди много улыбаются, особенно в сфере обслуживания, но он же пограничник, в конце концов. Должен охранять границы страны от посягательств нежелательных гостей, шпионов и нелегальных иммигрантов. Где крепко сжатые губы? Где холодный пронизывающий взгляд? Подозрительные интонации в голосе хотя бы.

– Что вы собираетесь делать в Лондоне?

– Учить английский язык.

– Где вы собираетесь учить английский язык?

– В колледже Святого Патрика. Это на Эджвер-роуд, – Арина поспешно протянула приглашение из колледжа, полученное в «Импульсе». Офицер так долго изучал приглашение, что Арина похолодела от мысли, что «Импульс» выпустил ей фальшивую бумагу. Никакого колледжа на Эджвер-роуд не существует, а если и существует, то никто её там не ждёт.

– Когда начинаются ваши занятия? – вдруг спросил офицер, хотя начало занятий было указано в приглашении.

– В понедельник. В понедельник, третьего июня.

– Как долго вы собираетесь учиться?

– Два месяца.

– Что вы собираетесь делать после окончания вашего курса?

– Поеду домой, – растерялась Арина.

– Вы собираетесь работать в Лондоне?

Арина едва не кивнула, но вовремя остановилась. Вопрос на засыпку. Студенческая виза в её паспорте отчётливо показывала: «no work». Соглашаться было нельзя.

– Нет.

– Что вы собираетесь делать в свободное время?

Арина представила череду свиданий с английскими джентльменами и улыбнулась.

– Ходить в кино и театры. Рестораны. Парки. Музеи.

Офицер улыбнулся, словно увидел картину, возникшую в её голове, и весело шлёпнул печать в её паспорт.

– Удачи!

Глава 7. Встреча в аэропорту

Получив свой багаж и пройдя таможенный контроль, Арина вышла в здание терминала «Хитроу» и мгновенно оказалась в толпе таксистов. Они наперебой предлагали отвезти в самые разные концы города, но она знала, что её должна встречать квартирная хозяйка. Если принимающая семья не хочет или не может встретить студента в аэропорту, они оплачивают такси, но Саманта Коллинс обещала приехать сама. Арина разговаривала с ней по телефону несколькими днями раньше. Вроде бы всё звучало надёжно, хотя, конечно, они не видели друг друга в лицо, может быть, стоят в двух шагах друг от друга и не узнают. Она завертела головой по сторонам. Кругом стояли люди с табличками, и Арина пристально вглядывалась в имена и названия на разных языках, гадая, написала ли Саманта «Арина Бердяева», или хотя бы «Импульс». А как будет «Импульс» по-английски? Вот об этом надо было подумать заранее.

Побродив с четверть часа среди встречающих, она уже стала всерьёз волноваться. Если никто не встретит – куда тогда идти? Добираться самой до принимающей семьи? Они живут на юге Лондона. А Хитроу на западе. Взять такси? Наверное, безумно дорого. Общественным транспортом? А как понять, какой автобус брать и куда ехать? Нужно созвониться с принимающей семьёй, но её мобильный телефон полностью потерял связь с миром, и тогда нужно искать телефон-автомат и соображать, как им пользоваться. Хорошо хоть вокруг полно народу, и можно спросить.

Ещё минут через десять она узнала, что такси будет стоить пятьдесят фунтов, и это её совсем не утешило. Потеря шестой части привезённых денег в первый же вечер в Лондоне не выглядело хорошим стартом. Куда податься – непонятно. Крайним вариантом оставалась Дашка, троюродная сестра, которая жила со своим мужем на северо-востоке Лондона и с которой Арина не виделась лет десять. Узнав об Ариных планах, Дашка не выразила особенного восторга и вяло предложила заехать как-нибудь в гости, поэтому беспокоить сестру без особой нужды Арине не хотелось. «Позвоню, если сложится критическая ситуация, когда деваться будет совсем некуда, – решила она для себя. – Интересно, ночёвка в аэропорту – это уже критическая ситуация? В таком случае, она слишком быстро наступила».

Неожиданно взгляд выхватил из толпы знакомые русские буквы, нацарапанные маркером на куске картона: ЧЕЛЯБИНСК. Она обрадовалась небритому парню в модных джинсах, как старому знакомому.

– Ой, вы, наверное, меня встречаете? Меня зовут Арина, я из «Импульса».

– А-а, – кивнул парень, внимательно изучая её. – Вадик.

– Мне сказали, что в аэропорту меня будет встречать принимающая семья. Их фамилия Коллинс. Саманта Коллинс. Я с ней разговаривала по телефону. Они живут на юге Лондона, в Сарри. А вы их знакомый, да? – она изо всех сил старалась быть вежливой.

– Знакомый. Я тут всем знакомый. Ты кто? – спросил парень недовольно.

– Как, вам разве не сказали? Я Арина Бердяева, из Челябинска, меня к вам Роксана прислала.

– А. Роксана. Грудастая такая?

– М-м, да, симпатичная.

– Мы сейчас ждём ещё одного чувака, он где-то застрял, и едем на квартиру.

– На квартиру? Вы имеет в виду принимающую семью?

– Семьи нет. Они в Испании. Срочный вызов. Старшая дочь попала в аварию. Сильно покалечилась.

– Дочь? Я думала, у них только сыновья.

– Значит, сын. Я не вникал.

– Где же я остановлюсь?

– На квартире, – он помахал ключами. – Мне нужно встретить двоих девок и парня. Девки здесь. Пацана нет. Наверное, уже смылся. Нелегал шелудивый.

– Почему смылся? Там всё ещё багаж получают. Надо подождать.

– Не надо. Кто хотел, тот нашёлся. Ехать пора, уже половина двенадцатого. Щас ещё двух тёлок прихватим.

– Каких... тёлок?

– Челябинских. Тоже из «Импульса». Учителки тамошние. Приехали на лето, по-аглицки шпрехать. Ну, чё стоишь? Думаешь, я тебе машину прямо к стойке подгоню? Она на стоянке, снаружи. Бери-бери чемодан. Я тут багаж таскать не нанимался.

Подхваченные по дороге девчонки знали не больше Арины. К «Импульсу» они не имели никакого отношения и даже никогда не слышали, а приехали через другую компанию, которая пообещала им сэндвич-курс: учёба, совмещённая с работой. По идее, они должны были до обеда учиться в колледже, а после колледжа работать в кофейне. Заработки обещали неплохие – восемь-девять фунтов в час, поэтому за два месяца каникул девчонки рассчитывали окупить поездку. Одна из них, мелированная блондинка в коротком топе, открывающем проколотый пуп с серебряным колечком, и низко посаженных джинсах, из которых выглядывал узорчатый ремешок стрингов, сказала, что в Англии уже второе лето, в прошлом году была на ферме. Программа студенческого обмена с параллельным сбором малины. Денег не заработала, но время провела отлично, «не жизнь, а сплошная малина», поэтому в этом году поехала снова и подружку с собой потащила.

– Больше никаких ферм, – заявила она. – В прошлом году так натаскалась ящиков, до сих пор поясница болит, – она указала на оголённую спину с резинкой стрингов. – Меня зовут Марина, я в Челябинске на лингвистическом учусь. Английский-французский. До французского ещё не дошли, начнётся на третьем курсе. Чего? Нет, мне двадцать три года. Я ещё в юридическом колледже училась. А Катюхе девятнадцать, она ещё целка, ничего в жизни не видела.

Её подружка Катюха, темноволосая неяркая девочка в полосатом джемпере домашней вязки, выглядела намного старше своих лет. Если бы не опущенные уголки губ, придававшие ей трагикомический вид, её можно было бы назвать симпатичной. Она сказала, что учится в одной группе с Мариной, но Марина живёт в общежитии, а она с мамой. Родители в разводе.

– Я очень люблю французский, всё французское: музыку, кино, еду, – но в школе он шёл только факультативом, поэтому экзамены было не сдать. Решила взять его как второй язык.

Школу закончила с медалью, поэтому посчастливилось сдавать только один экзамен, это помогло пройти на блатной факультет без денег. Факультет иностранных языков пользовался бешеной популярностью, потому что студенты могли участвовать в программах международного обмена, проводить лето в Европе и Америке, путешествуя и зарабатывая деньги, заводя дружеские и романтические знакомства, а после окончания учёбы их обычно ждало тёпленькое местечко переводчика на большом заводе, некоторые шли в гостиничный бизнес. Но большинство из них по окончании учёбы уезжали за границу замуж. Челябинский факультет иностранных языков исправно поставлял русских невест за рубеж.

– От нас папа ушёл четыре года назад, маме тяжело приходится, чтобы поднять двоих детей, у меня ещё младший брат, поэтому кататься мне было не на что, а очень хотелось вырваться. Маринка заработала в прошлом году деньги, ей не хотелось ехать в Лондон одной. Она одолжила мне на поездку. Наш университет не посылает в Лондон, поэтому мы нашли компанию, которая организует учёбу с работой и оформляет студенческие визы. Мне нужно отработать поездку за это лето и ещё накопить немного денег впрок, девчонки на нашем факультете так модно одеваются – у них обуви только по двадцать пар, плюс кожаные плащи, норковые полушубки. Они сказали, в Лондоне можно дешёвую норку купить на рынке в Ноттинг-Хилле, английские торговцы избавляются от натурального меха, потому что он вышел из моды, а летом

шубы и того дешевле, поэтому я заработаю денег на шубу, и ещё тут прибахлюсь, чтобы перед сокурсницами не стыдно было.

Арина сказала, что приехала учить английский, чтобы найти хорошую работу в Челябинске, и дальше распространяться не стала. Новая знакомая была на семь лет младше и только стояла на пороге прекрасной студенческой жизни. Рассказывать, как тяжело в Челябинске найти приличную работу выпускнику педагогического университета и как грустно работать в школе, ей не хотелось, чтобы не разочаровывать девчонку. Как хорошо приехать в Лондон с целью заработать на норковую шубу. Как мило и как просто. Когда не ставишь перед собой глобальных целей, успех не заставляет себя ждать.

Всю дорогу Марина кокетничала с водителем, беспрестанно курила и изредка поглядывала на притихших сзади девчонок.

– Сидите, наслаждайтесь видами. В Лондон всё-таки приехали. Это вам не Челябинск.

За окнами расстился Лондон, но разглядеть его через мокрое стекло было непросто. Вдоль дороги виднелись только фонари и светофоры, да сплошные ряды одинаковых домов с жёлтыми окнами, а возле дверей располагались аккуратные палисадники с каменными изгородями по пояс. На окнах не было тюля, и перед Ариной проплывали маленькие гостиные, где семьи смотрели телевизор. Маленькие кусочки другой жизни. У Арины возникло ощущение прикосновения к чему-то волшебному.

«Подумать только – я в Лондоне. Еду по самым настоящим английским улочкам вдоль самых настоящих английских домов. Возможно, в одном из таких домиков живёт Джон Льюис, и я только что его проехала. Да ещё этот пресловутый английский дождь. Дождь в дорогу – это хорошо. Значит, мне повезёт».

Через полтора часа Вадик остановился возле блеклого трёхэтажного дома.

– Ох и вонища в славном граде Лондоне, – поморщилась Марина, выходя из машины.

– А ты как думала, дорогая? В Лондоне живут одни джентльмены и везде пахнет розами?

– Ну, хотя бы сосисками. Или жареной рыбой. А тут смрад, как будто с китайского базара.

– Есть тут свой Китай, только в центре города. И Польша есть, и Украина. И домики с розами тоже. А эта часть называется Лондонистан.

– Чего-о? Кенсингтон знаю, Белгравию знаю, Мэйфэр знаю. Лондонистана не знаю, – сурово произнесла Марина.

– Ничего, с утра экскурсию совершишь,полнишь познания. Это вам, конечно, не Кенсингтон, но и тут люди живут.

– А далеко отсюда до Биг Бэна? – спросила Арина.

– Далеко. Пешком не дойдёшь. Тауэр Бридж близко.

– Ах, ну да. Значит, мы на востоке.

– На востоке, – усмехнулся Вадик.

Водитель провёл их в квартиру на втором этаже многоквартирного дома. В тёмном подъезде было ничего не разглядеть, и Арина взяла за руку Катюху, которая дрожала, как осинный лист.

– Ладно, не ссыте, шас на месте разберёмся, – прошептала Марина.

В убогой двухкомнатной квартире стояли двуспальная кровать и диван. Мебели было на удивление мало, из углов пахло сыростью, а где-то во дворе надрывно мяукала кошка.

– Да-а, это вам не Рио-де-Жанейро, – пробормотала Арина. – Дыра какая-то.

– Значит, так, – Вадик проигнорировал их кислые физиономии. – Двое спят на кровати, одна на диване, решайте меж собой, кто лесбиянит. Я бы к вам присоединился, но не могу – дела. Завтра заеду с утра и покажу вам колледж и работу. Колледж начнётся с понедельника, на работу можно заступать хоть завтра. Теперь по оплате. Хата стоит сто фунтов в неделю с носа. Платите за две недели вперёд. Через две недели опять договариваемся – или дальше

платите, или съезжаете на другое жильё. Если вам чё не нравится – всегда можете найти что-то в округе. Здесь жилья на сдачу полно. Гоните шестьсот фунтов, и я поехал, я ещё не жрал с обеда.

– Эй-эй, подожди! – затормозила его Марина. – Это за такую конюшню мы должны платить триста фунтов в неделю? Ты чего-то загоняешь. Мы на ферме жили, у нас на жильё по сорок фунтов в неделю уходило.

– Ты с фермерскими караванами не сравнивай. Это тебе не ферма. Это самый дорогой город в мире, и когда ты ни хрена не знаешь, сначала приходится платить много бабла.

– Мне в агентстве сказали, сто фунтов в неделю стоит комната на двоих.

– Ты чё, не видишь? Это не комната. Это отдельная квартира. Если бы этот пацан с вами приехал – дешевле бы было.

– И где бы он спал? На коврик? Или делить диван с левым пацаном?

– Бляха-муха, ты чё такая упёртая? – Вадик метнул на неё злобный взгляд. – Я вас встретил, привёз, бензин потратил, вечер потратил – а ты ещё выпендриваться будешь? Ты чё, думала, тебя в отель «Ритц» привезут? Ты, может, на улице хочешь ночевать? Я щас закрываю хату и валите, куда хотите, – он открыл дверь.

– Не, подожди, – остановила его Марина. – У нас нет столько денег, понимаешь? Мы же ещё ничего не заработали. У нас наличными по сто пятьдесят фунтов, а ещё пожрать надо купить. На дорогу в колледж, ещё какие-то мелочи туда-сюда. Может, мы отдадим, когда заработаем?

– Не, так дело не пойдёт. Я вам чё, таксист, каждый день буду вас возить взад-вперёд, а деньги получу, когда заработаете? Нашли дурака. В Лондоне за всё вперёд платят. Скажите спасибо, что я с вас депозит ещё не беру. Вдруг вы сопрёте чего или пожар на кухне устроите. Меня хозяин квартиры отправил, велел деньги привезти.

– Чего тут переть – хибара нищая и вонючая. Возьми хотя бы за неделю вперёд, а остальное потом.

– Не будет никакого потом, – упёрся парень. – Не хотите платить – сваливайте на улицу. Ночуйте под мостом. Или в Ритц едите. Я вам ключи оставляю, можно сказать, чужое добро доверяю, а вы торгуетесь.

– Вадим, подожди, – вмешалась Арина. – А у меня ведь всё наперёд уже проплачено. Я Роксане заплатила двести фунтов за две недели проживания в принимающей семье. Если принимающая семья не собирается меня принимать, так пусть переведут деньги тебе.

– Ты чё, сбрендил? Я же сказал, они в Испании. Откуда я знаю, когда они приедут?! Гони бабло сейчас, а потом сама со своей Роксаной разбирайся. Позвонишь в понедельник и скажешь, чтобы перевели тебе деньги в Лондон. Я с этим разбираться не буду – на хрена мне эти заморочки! Я тебе чё, Вестерн Юнион, что ли?

– Слушай, Вадик, – Марина нашла решение. – Мы тебе платим за неделю вперёд, по сотне фунтов каждая. Больше мы тебе дать не можем, нет у нас больше. А за эту неделю мы найдём другое жильё, подешевле, и к следующим выходным съедем.

– Не, не пойдёт, – упёрся Вадик. – Мне хозяин квартиру дал на две недели, я ему уже заплатил. Где я буду новых постояльцев искать? Если нету двести, давайте по сто пятьдесят, а полтинник я через неделю заберу – когда заработаете.

Девчонкам пришлось раскошелиться. Попрощавшись до следующего утра, Вадик расстроился в ночи, а девчонки, ещё немного повозмущавшись такими расценками и состоянием квартиры, решили дожить до утра, а там сориентироваться на месте. Не найдя в квартире свежего постельного белья и не решившись притронуться к грязно-белым полотенцам в шкафу, они выпили по чашке чая с булочками из самолёта и легли спать, не расправляя постели и не раздеваясь. Арина, разложила скрипучий, пахнувший сыростью диван, накрыла подушку своей курткой и легла. В голову лезли самые разные мысли, но восьмичасовой перелёт с пере-

садкой в Москве и два часа на машине уже не оставили никаких сил. Отправляя маме смс-ку с Мариного телефона, Арина доложила: «Долетела нормально, меня встретили, уже добралась до квартиры. Всё отлично».

Глава 8. Лондонистан

На следующий день Арина проснулась довольно поздно, наручные часы показывали одиннадцать утра. На кухне громыхали посудой, и в какой-то момент Арине показалось, что не было никакого самолёта, водителя, квартиры, и она дома в Краснознамённом, и мама готовит субботний завтрак. Путаясь с подробностями из недавнего сна, из сознания всплыло слово «Лондонистан». Звучит, как Казахстан или Туркменистан. Что бы это значило? Постепенно в памяти восстановились события предыдущей ночи. Ай-ай-ай, какая жалость, что так вышло с Коллинсами! Теперь с ними даже связаться нельзя, если они в Испании. Надо найти телеграф и позвонить Роксане в «Импульс». Хотя нет, сегодня же суббота. Значит, в понедельник. В колледж в субботу тоже ехать бессмысленно. Надо связаться с Дашкой и выяснить, что к чему. Уже в первый вечер в Лондоне лишилась ста пятидесяти фунтов. Полторы сотни – полтора месяца работы в краснознамёнской школе. Если так дело пойдёт, то уже к концу недели от её трёхсот пятидесяти фунтов ничего не останется. А ещё нужно найти работу. Сколько же сейчас времени? Между Челябинском и Лондоном пять часов разницы. В Лондоне, должно быть, ещё раннее утро. Хорошо, хоть встретила этих девчонок, втроём уже не так страшно.

Марина нашла в холодильнике немного сыра и помидор, какую-то жёлтую смесь в пластиковой баночке, названную яйцами с майонезом, лежалый огурец и упаковку сухих лепёшек, обозначенных «питта». В трёх разносортных кружках уже дымился чай Ахмад, наполняя кухню стойким запахом бергамота.

– Ладно, чем богаты, тем и рады, – провозгласила Марина. – Пожалуйте к столу.

– Думаешь, это можно брать из холодильника? – осторожно спросила Арина.

– Не можно, а нужно. За те деньги, которые с нас содрали вчера, мы можем здесь есть всё, что угодно. Жаль, ничего особо и нет. Я не знаю, как есть эту яичную дрянь, но в нашем учебнике страноведения написано, что её есть можно. Про лепёшки там ничего не написано, но срок годности ещё не вышел, значит, не отравимся. Да и деньги нужно экономить, их и так немного осталось.

– Значит, всё-таки осталось? – спросила Арина.

– А ты чё думала, я этому козлу все деньги отдам, что ли? Я же не дура, мне здесь ещё жить и жрать надо. Может, с работой не сложится, так хотя бы продержаться несколько недель. И жильё другое искать надо. Я с утра в душ сходила – даже прикасаться ни к чему не хочется. Сразу видно – мужик в квартире жил. Может, и сейчас живёт, просто сдаёт её время от времени, чтобы бабки заработать. За такую конюшню триста фунтов в неделю платить? И вид из окна – прямо-таки, скажем, не Бейкер-стрит.

Арина невольно бросила взгляд в окно. За оконной решёткой разворачивался восточный базар. Мужчины арабского вида открывали палатки и доставали пёстрое шмотьё. Из открытой форточки несло свежей рыбой и ещё чем-то пряным.

– А почему решётки на окнах? Этаж, вроде, не первый.

– А фиг его знает. Красть здесь нечего. Если только хозяин сам торгует на этом базаре и шмотьё хранит. А может, он тут жён держит, чтобы не сбежали.

– Жён? – Арина побледнела и метнулась к двери. Дверь была закрыта на замок и изнутри не открывалась. – Это не жён, это нас здесь будут держать. Деньги забрали, двери заперли, может, и паспортов уже нет... – она метнулась к дорожной сумке, судорожно перерывая содержимое. – Ключи, ключи он оставлял на столе, где они?

Марина бросила недопитый чай и прибежала в гостиную. Разгребая на столе религиозные книги, написанные арабской вязью, какие-то шарфы и коробки, она уже бессмысленно в десятый раз перекладывала с места на место газеты, и руки её непривычно дрожали. Собственная нервозность её страшно раздражала, ибо она привыкла всегда владеть ситуацией.

– Завезли, заперли, – забормотала Арина. – Дверь на ключе, окна на решётках. Людей кричать – кого кричать, они все арабы, одна шайка. Паспорта на месте, отдавать ни в коем случае нельзя, иначе конец, никогда отсюда не выберешься. Нужно спрятать – но куда спрятать? Чемоданы перероют – и всё равно заберут. На себе спрятать, в потайной карман зашить?

– Разденут, – жёстко сказала Марина. – Разденут. Если для того заперли, то разденут в первую очередь. И прятать бесполезно. Они велют отдать – и ты отдашь.

– Я не отдам. Нельзя паспорт в таких случаях отдавать. С паспортом – ты человек, ты гражданин своей страны. Даже если сбежать – всегда в посольство пойти можно. Я знаю адрес посольства, это на Кенсингтон Палас Гарденс, номер тринадцать. Если паспорт никому не отдавать – они тебя домой отправят.

– Что значит, не отдавать? – удивилась Марина. – Если тебя изобьют и изнасилуют – ты всё отдашь.

Арина похолодела.

– Ты думаешь, они заставят нас быть проститутками? Спать с арабами? Будут колоть наркотиками, чтобы не сопротивлялись и не пытались сбежать?

– Возможно, – уклончиво ответила Марина. Она сама не знала, что думать и как извлечь из ситуации пользу, что случалось с ней редко.

– Надо паспорта в квартире спрятать, хорошо спрятать, а им сказать, что потеряли. В такси потеряли... чёрт, ну, тогда в аэропорту. Прикинуться дурочками. А потом, если будет возможность, сбежать, сразу хватать и бежать. А сейчас надо отсюда выбираться, пока не пришли. Или на помощь надо звать. Там люди на улице – не могут же они все быть насильниками. Подожди, у тебя же телефон работает, давай звонить в полицию, пока не отобрали.

– 02 звонить будешь? Или 911? – скептически подняла брови Марина.

– Да есть, есть у меня телефон полиции, в путеводителе по Лондону где-то, – Арина судорожно стала перелистывать лощёные страницы книги. Пальцы не слушались, и она не могла перевернуть страницу. – Вот номер! Нужно звонить 999.

– Запасливая. Может, ты ещё и адрес знаешь?

– Какой адрес?

– Адрес места, в котором ты находишься? Ты звонишь в полицию, говоришь, что тебя заперли в квартире, и у тебя под окнами восточный базар, и больше ты ничего не знаешь. Как они тебя найдут?

– Может, по телефону, иногда можно понять, где находится человек, который звонит.

– Подожди с полицией, ещё ничего не случилось. Зачем нам разборки с полицией в первый же день в Лондоне? Отправят тут же домой, сидите и не дёргайтесь в своём Челябинске. А реальной опасности ещё нет. Надо подумать, может, ещё какие варианты есть.

– А если поздно будет думать?

– Ладно, не кипишись. Щас Катюха из душа выйдет и решим, что делать.

– А чего у вас такие лица странные? – на пороге комнаты появилась Катя, завёрнутая в полотенце.

– Заперли нас. На окнах решётки, двери закрыты.

– Так откройте. Нам же ключи оставили.

– Нет ключей. Мы уже всю квартиру перевернули. Этот водила вчерашний, видимо, прихватил их, когда уходил.

– У меня ключи. Я их в карман куртки положила – в прихожей.

Марина метнула злобный взгляд в сторону Арины.

Так и не дождавшись обещанного утром Вадика, девчонки пошли на разведку. Солнце палило нещадно, часы показывали два часа дня, и торговля была в самом разгаре. Арабские

мужчины торговали одеждой, коврами, посудой, золотыми украшениями, причудливой формы кальянами и табличками с выписками из Корана. Тут же располагался фруктово-овощной рынок. Закутанные с ног до головы в чёрное женщины разглядывали сквозь узкие прорезы для глаз девчонок в летней одежде. Не смущаясь обстановки, Маринка надела коротенькие джинсовые шорты и облегающий топ. Из-под шорт виднелись малиновые резинки новых стрингов. Жара стояла градусов тридцать, женщинам в чёрном, должно быть, было очень жарко, и они мерили ненавистническими взглядами Маринины ляжки. Арина с Катей предпочли одеться в светлые брюки и закрытые футболки.

– Прямо как в мультфильме про Алладина. Багдадский базар, – воскликнула Катюха. – Сейчас найдём волшебную лампу, и появится джинн.

– Джинн – это в лучшем случае, в худшем случае появится главный евнух гарема и предложит нам проследовать в ароматные кулуары, – добавила Марина, насмешливо глядя на Арину и досадуя за то, что она своим воображением заставила её, Марину, всерьёз испугаться.

– Если бы ты не надевала трусы поверх шорт, шансов избежать гарема у нас было бы намного больше, – злобно буркнула Арина.

– Слушай, я тебя с собой не приглашала! Я тебя вообще не знаю! У тебя свои планы на эту жизнь, а у меня свои. Если ты такая затворница, чего ты вообще попёрлась в такую даль?! Чужая страна, чужие обычаи.

– Я в Лондон ехала, а не в Багдад. У меня колледж предоплаченный и жильё на две недели. И виза на полгода оформлена.

– Вот и езжай в свою принимающую семью, если тебя там ждут. Меня тут никто не ждёт, поэтому я руководствуюсь принципом: хочешь жить, умей вертеться. Я заплатила за две недели за это жильё и буду жить здесь две недели, пока не найду лучшего. Куда попали, туда попали. Если вместо Лондона Багдад, значит, будем выживать в Багдаде.

– Ну, тогда у тебя не самый лучший прикид для Багдада.

Марина сняла солнцезащитные очки и в упор посмотрела на Арину.

– Ещё одно слово про мой прикид, и я тебе врежу. Я тебе повторяю: не нравится – сваливай.

– Я тоже оплатила жильё за две недели, поэтому сваливать мне некуда.

– Тогда заткнись, – и Маринка продолжила своё шествие среди фруктовых рядов.

Катюха схватила Арину за руку, позволяя Марине уйти вперёд.

– Она неплохая девчонка, только грубая, – прошептала она. – Просто мы не ожидали, что нам жильё так дорого обойдётся, у нас ведь денег с собой немного, вот она и злится. Ей ведь ещё и за меня платить, я же у неё денег в долг взяла. Пока у меня работы нет, она за меня платит. А к вечеру она всё равно что-нибудь придумает, вот увидишь.

Девчонки купили сочные сливы по фунту миска и целую связку бананов, тоже за фунт. Сидя на ступеньках муниципального здания, они ели фрукты. Катюха тщательно протирала каждую сливу об подол футболки и аккуратно откусывала, стараясь не испачкать соком белые брюки. Марина разговаривала с хозяином лотка, толстым арабом, одетым в белую просторную рубаху и штаны.

– Предложил работу, – подмигнула она и с жадностью впилась в сливу. – Говорит, нужны помощники в магазине. Четыре фунта в час. А ещё сказал, что с жильём нас объегорили. Комната на двоих в этом районе стоит семьдесят-восемьдесят фунтов в неделю. А этот урод с нас сто фунтов с каждой хотел взять. Коммерсант. Хорошо, что я у него телефон спёрла.

– Ты спёрла телефон? – поразилась Арина.

– Я его одолжила, – уклончиво ответила Марина. – В качестве депозита. Чтобы он наверняка вернулся. А если не вернётся – я заберу телефон себе. У него крутой телефон. Сименс, последняя модель, я уже посмотрела в здешнем магазине девяносто фунтов стоит. Я тут одного

чувака спросила, можно ли его здесь продать, он сказал, что фунтов сорок даст. И сигареты тоже продать можно. Не очень дорого, блок за десять фунтов. На ферме мы за двадцатку продавали, но там спрос был, а здесь большой город, он сказал, контрабандистов много, цены падают.

– И много у тебя сигарет с собой?

– Восемь блоков. И у Катьки шесть.

– Я думала, по правилам таможни можно только два провозить.

– Ты их сразу послушалась и привезла два.

– Я вообще не привезла. Я не курю.

– Ну и дура. Сигареты в Англии – это первый бизнес. У них пачка сигарет пять фунтов стоит, а у нас в России пять фунтов блок. Разницу чувствуешь? Мы на ферме блоки за двадцатку продавали, и то брали на ура. Надо поискать, может, кто больше даст. А вот водку не продать. Он сказал, арабы алкоголь не пьют. Придётся придержать.

– Ты и водку привезла на продажу?

– А ты и водки не привезла? Ты знаешь, сколько здесь водка стоит?! Впрочем, по тебе видно, что ты вообще ничего не знаешь.

– Я в Лондон приехала, – упрямо повторила Арина. – Я пойду искать Лондон.

– Давай. Скатертью дорога. А мы пока тут потусуемся, может, найдём работёнку или хату получше. Араб сказал, тут метро рядом, как его, что-то собачье... Баркинг, кажется. Если что – будешь знать, куда возвращаться, если надумаешь.

– Я вещи в квартире оставила. Конечно, я приду.

После долгих блужданий по районам, руководствуясь объяснениями встречных людей, из которых она мало что понимала, Арина вышла на Тауэрский мост и замерла, потрясённая его величием. Уже вечерело, и свежий воздух с реки обдувал её голые руки. Она невольно поёжилась.

«Ох, и грязная вода в Темзе, – удивилась она. – А мост прямо как на открытке, ничуть не приукрашенный. Вот и добралась. Значит, всё-таки я в Лондоне».

Выйдя из красного двухэтажного автобуса на станции Баркинг, Арина не без труда нашла жильё. Базар уже закрылся, территорию расчистили, и местность значительно изменилась. На ступеньках дома сидела Катюха в окружении чемоданов.

– Выгнали нас, – пояснила она. – Пришёл какой-то араб, сказал, что это его квартира, что он сдавать её не будет, потому что у него брат ночью приезжает. Никакого Вадика он не знает, и денег ему никто не передавал. Он по-английски плохо говорит, мы толком сами не поняли. Марина пошла к хозяину магазина спросить, можно ли где переночевать здесь. А я вот чемоданы стерегу.

Арина уже не удивилась. Подошедшая Марина без слов взяла свой чемодан и двинулась через опустевшую базарную площадь. Девчонки послушно последовали за ней. Они остановились перед синей дверью бесконечно длинного двухэтажного дома со множеством разноцветных дверей.

– У них есть одна комната с маленькой кроватью. Мы её можем поделить. Ты можешь спать на полу, но только сегодня. Там нет места для троих, там даже для двоих тесно. Хозяин сказал, будет брать двенадцать фунтов в день за комнату, и завтра разрешит нам работать у него в магазине. Он сказал, одна будет на кассе помогать товары упаковывать, а вторая в магазине прибираться и товар выставлять. А тебя он может к своему племяннику послать, у того тоже фруктовая палатка на этом базаре. День поработаешь, заработаешь фунтов двадцать, спросишь его, где ночевать можно.

– Спасибо, – тихо ответила Арина. – Извини за то, что наезжала на тебя.

– Ничего, – покривилась Марина. – На меня все наезжают. Характер такой.

Утром они перекусили на кухне, где молчаливая женщина в чёрном накормила их странной, похожей на пшённую, кашей под названием кускус и подала ту же питту, намазанную какой-то бежевой маслянистой пастой.

– Хумус, – сказала она. Что такое хумус, девчонки не выяснили, потому что по-английски женщина почти не говорила. Из бегающих по дому детей от двух до семи лет по-английски говорил только старший.

– Я в школу хожу, – ответил он. – А мама не ходит. Мама и бабушка только по-арабски говорят. И тётя Альмира тоже. И тётя Дилара. Папа говорит по-английски и дядя Ахмет.

– И давно вы здесь живёте?

– Всегда. Я родился в Лондоне. У меня четверо братьев и одна сестра. Но она совсем маленькая, она спит с мамой.

– Твоя мама не работает?

– Нет. Мама не работает. И бабушка не работает. И тётя Дилара. Папа и дядя Ахмет тоже не работают. Они командуют на базаре. Только тётя Альмира работает в «Теско» на кассе.

– Наверное, твой папа хорошо зарабатывает, если у него такая большая семья. Дом этот купил.

– Это не наш дом. Это нам мэр дал. Папа говорит, что всем, у кого много детей, мэр бесплатные дома даёт, и проездные, и денег, чтобы кушать и покупать одежду. Поэтому у папы много детей, и ему не надо работать.

После завтрака девчонки отправились в магазин, а Арину отправили к Ахмеду, племяннику хозяина магазина. Нахально-раздевающим взглядом Ахмед окинул Арину с ног до головы и сказал, что она слишком неприветливая, а работая с покупателями, нужно больше улыбаться. Весь день она помогала ему обслуживать посетителей, и он предложил остаться ночевать в его доме, так как у него есть свободная комната. У него тоже была жена и двое детей, и Арина не очень хотела пользоваться его гостеприимством, но выбирать было не из чего. Несколько раз за утро она пыталась дозвониться до троюродной сестры, но та не поднимала трубку.

«Ничего, завтра утром начнётся колледж, поеду и выясню на месте, что и как делается в этом городе, – решила она для себя. – Наверняка, в Лондоне есть что-то помимо арабских базаров и похотливых взглядов».

После десятичасового рабочего дня, когда Арина уже рассчитывала получить свои первые заработанные фунты из расчёта четыре фунта в час, как Ахмед упомянул с утра, он заявил, что первый день не считается, так как он работал наравне с ней и проводил необходимый тренинг. Возможно, ему придётся поработать с ней ещё два дня, прежде чем её можно оставить на лотке одну.

– У меня завтра начинается колледж. Я могу работать только после обеда, – заявила Арина. – А сегодня я работала десять часов и хочу получить свои деньги. – Она хотела сказать, что для того, чтобы паковать фрукты в пакеты и подавать их покупателю, тренинг не нужен, но не хватило английского. Поэтому молча насупившись, она ждала, когда Ахмет расплатится. Ахмед хищно усмехнулся и прищурил глаза.

– Медовая моя, ты даже не знаешь названия фруктов, – очень медленно сказал он. – Конечно, тебе нужен тренинг. Ты первый день в Лондоне, ничего не знаешь, ничего не умеешь, по-английски не говоришь, тебе нужен очень хороший тренинг. И если рядом с тобой будет хороший учитель, ты всему научишься очень быстро, – и он беззастенчиво провёл рукой по её груди. Она оттолкнула его руку порывистым брезгливым жестом.

– Дайте мне мои деньги, – жёстко сказала Арина, глядя в его блестящие от вожделения глаза. – Я работала весь день и хочу мои деньги.

– Сколько? – спросил Ахмед, откровенно пялясь на её грудь. – Двадцать фунтов? Двадцать пять?

– Я работала десять часов, я хочу получить сорок фунтов, как ты обещал утром. Ты сказал, что заплатишь мне сорок фунтов за день работы.

– Сорок фунтов? – притворно удивился Ахмед. – Дорого, очень дорого. День работы? День ещё не закончился. Я приду в твою комнату сегодня вечером, крошка. Если ты будешь хорошо себя вести, я заплачу тебе сорок фунтов. Но предупреждаю, чтобы получить сорок фунтов, белая потаскушка должна работать очень хорошо.

* * *

Когда Арина ступила на Тауэрский мост, на Лондон уже опустилась ночь. Бросив взгляд на мутную воду Темзы, она ещё раз ужаснулась, почему вода знаменитой реки так грязна. «Вам Темзы мутная вода, а мне лишь в гости иногда», – вспомнились слова поэта из блогов. Поэт уехал из Лондона и завещал оставшимся любить этот город, потому что он так же, как Париж, «праздник, который всегда с тобой». Пока праздника не наблюдалось. Сбежав от домогательств Ахмеда, Арина надеялась переночевать на ближайшем железнодорожном вокзале, но в час ночи её оттуда согнали. Оказывается, в Лондоне вокзалы закрываются на ночь, поэтому не было даже смысла добираться до центральной станции Виктория, обозначенной во всех путеводителях. Зайдя в ближайшую гостиницу и выяснив, что номер стоит сто семьдесят фунтов за ночь, Арина порядком сникла. Спасибо, не сегодня.

Поникшая духом девушка села на последний автобус и добралась до Тауэрского моста. По какой-то причине ей отчаянно не везло в Лондоне, город не принимал её, он гнал её, как непрощенную гостью, и Арине стало казаться, что с городом, как с человеком, можно договориться по-хорошему. Она попыталась представить Лондон человеком. Как бы он выглядел? Определённо, мужчина. Немолодой, повидавший жизнь, но ещё крепкий, энергичный, жёсткий и целеустремлённый. Он не сентиментален, не тщеславен, как Париж, и ведёт честную игру. Он знает себе цену и не будет расшаркиваться перед каждым новичком. Его внимание не так просто завоевать, ибо повидал он на своём веку немало, но, как каждый мужчина, он не может остаться равнодушным к тому, кто искренне восхищается им. Даже если эта очередная восторженная девочка из провинции.

– Здравствуйте, Лондон, – сказала она негромко, – и оглянулась, не увидит ли кто и не сочтёт ли её за сумасшедшую. – Меня зовут Арина Бердяева. Я приехала из России и хочу провести здесь лето, если вы не возражаете. Я хочу выучить английский язык. Это великий язык, и вы, Лондон – великий город. Я знаю про вас очень много, я знаю всю вашу историю от высадки римлян до распада империи после Второй мировой войны, я знаю про чуму и про Великий пожар в 1666 году, после которого Кристофер Рэн отстроил город заново и возвёл Собор Святого Павла, я знаю про победу при Ватерлоо, в честь которой Нельсону поставили памятник на Трафальгарской площади, про Всемирную выставку искусств в Хрустальном дворце, который погорел в двадцатом веке, и про бомбёжки во время Второй мировой, я уверена, не каждый англичанин знает вас так хорошо. Я восхищаюсь вами. Я преодолела расстояние в пять тысяч километров, чтобы выразить вам своё восхищение. Я молодая и глупая девчонка, но я хочу учиться. Если вы позволите мне пожить здесь немного, я буду очень благодарна. Не гоните меня. Я пришла с миром.

Постояв немного и послушав сонные всплески волн, Арина спустилась с моста и побрела вдоль набережной. Ночная набережная была удивительно красива, вдоль реки тянулись тяжёлые литые фонари в форме королевских скипетров, а густая листва платанов сияла тёмно-синими ёлочными гирляндами. Подсвеченные здания вдоль реки были удивительно величественны и красивы. Как завороженная, Арина смотрела на них и думала, что она должна быть

очень счастлива увидеть всю эту красоту. Внезапно ей стало очень весело. Приехать из захолустного Краснознамённого в столицу мира, стоять на берегу этой великой реки и чувствовать себя частью этого мира. Ей казалось, что договор на Тауэрском мосту был подписан обратной стороной. Лондон милостиво разрешил ей остаться. А когда она дошла до самого красивого здания в мире – британского Парламента – и Биг-Бен величественно проиграл колокольную мелодию и отбил два удара, Арина приняла решение рассматривать все невзгоды как часть своего путешествия в «другую реальность», воспринимать их как новые уроки, которые преподносит ей Жизнь, мужественно и с лёгким сердцем. В свете нового решения восход солнца, встреченный ею на берегу Темзы напротив Парламента, показался одним из самых грандиозных моментов её жизни.

Глава 9. Бедная родственница

В понедельник утром, наконец, Арина дозвонилась до троюродной сестры из телефона-автомата. Дашка сказала, что ездила на выходные к подруге в Плимут, а на телефоне села батарейка. По голосу трудно было сказать, обрадовалась Дашка её приезду или нет, но Арину это уже не волновало. Как бы ни был прекрасен рассвет на Темзе, ночевать на улице следующую ночь не хотелось.

– Ты знаешь, – промямлила Дашка. – Мы с мужем снимаем дом, но у нас только одна комната, в остальных жильцы живут. Спать можно только в кухне на полу, но я не уверена, что Серёжа обрадуется.

– Даша, я так отлично провела мои первые три ночи в Лондоне, что готова спать на полу с превеликим удовольствием. К тому же, мне нужно разобраться, что произошло с моим жильём, которое я оплатила вперёд, и найти колледж. После этого я, возможно, оставлю тебя в покое.

– Ладно, – Дашка тяжело вздохнула. – Серёжа возвращается только в среду вечером, поэтому можешь две ночи ночевать в моей комнате. Я тебе объясню, как доехать. В какой гостинице ты сейчас находишься? Где? Напротив Парламента? Не фига себе ты гостиницы выбираешь!

Дашка встретила её на автобусной остановке, утиной походкой пробираясь сквозь толпу и переваливая с боку на бок семимесячный живот.

«Почему родители говорили, что мы похожи? – удивилась Арина, разглядывая сестру издали. – Я высокая и худая, Дашка маленькая и коренастая. Руки вон какие накачанные, грудь большая. Впрочем, может, это от беременности. Если только черты лица схожие, да и то, у меня немецкий нос, с горбинкой, а у неё русский, вздёрнутый. Характер, должно быть, вздорный... А вот взгляда у неё такого не было. Делового, цепкого, оценивающего. Наверное, это уже лондонское».

– Я не знала, что ты беременная, – пробормотала Арина, – а то бы добралась до тебя сама.

– Да ладно, – махнула рукой Дашка, – всё равно целыми днями дома сижу. В гостинице как узнали, что я беременная, сразу отправили на покой. По закону они не имеют права меня выгонять, я могу работать хоть до самых родов, но при этом они должны найти мне нетяжёлую работу, не давать дополнительных нагрузок, переработок, избавить от разных стрессовых ситуаций, позволять вовремя ходить на обед и регулярно делать перерывы. Если бы я работала в офисе, да ещё среди англичан, всё бы так и было. Но если бы ты знала, что творится у нас в ресторане, ты бы поняла, что такого режима беременной женщине просто невозможно обеспечить, а не обеспечить нельзя, потому что я на них в суд могу подать. Поэтому они сделали хитро. Они перестали меня приглашать. Поскольку у меня контракт на частичную занятость, то есть нет постоянной нагрузки, они приглашали меня, когда есть необходимость. Теперь они делают вид, что необходимости нет. Мол, лето, все в отпусках, поэтому они сами справляются. И не придерёшься ни с какой стороны. Я-то знаю, что всё равно какая-то работа есть, и кого-то они приглашают, но они всегда могут сказать: «О, нам нужен человек, который может тяжёлые подносы носить, а она не может». Поэтому я уже два месяца дома сижу. Даже хорошо, что ты приехала, может, в кино сходим или на концерт.

– Боюсь, мне немного не до концертов, – вздохнула Арина, вкратце пересказывая историю своих злоключений. – Честно говоря, я была бы рада просто нормально поесть и выспаться.

– С арабами можно иметь дело, но не со всеми, – произнесла Дашка, выслушав Аринин рассказ. – Если кто здесь давно живёт и уже адаптировался, работу нормальную нашёл, они

к тебе приставать не станут – здесь с этим строго, а там, где они живут общинами, они совсем не акклиматизируются. Рожают кучу детей, сидят на шее у государства.

– Откуда же они здесь взялись?

– С Ближнего Востока. Ирак, Иран, Пакистан, главным образом. Сначала от войны бежали, потом жён, детей, родителей привезли, потом расплодились. Эта фишка называется «воссоединение семьи». Мол, если человек приехал жить и работать в Англию, он имеет право привезти свою семью. Это же не гуманно – разлучать человека с его женой и детьми. А если у него ещё престарелые родители, которых он содержать должен, или малолетние братья и сёстры, которых он материально поддерживает – у них там на востоке вся родня друг за друга завязана – то государство должно поддержать его в этом благом намерении. Англичане поначалу пытались быть гуманистами, а потом им это боком вышло.

– Слушай, у нас половина родни в Германию переехала по тому же принципу, и я никогда не думала, что это неправильно. Тогда ведь тоже началась программа оказания помощи репрессированным семьям, которые оказались жертвами режима в виду своей национальности. Тётя Эльза уезжала, она не только мужа и детей взяла, они всем кланом выехали – братья, сёстры, племянники, свёкры. Тогда даже модно было вступать в браки с русскими немцами, собирающимися за рубеж. Даже поговорка ходила: «Немецкая жена – не роскошь, а средство передвижения». Германия их всех жильём обеспечила, паспорта выдали, на бесплатные курсы немецкого языка отправили. Я тогда думала, как хорошо, что ты не одинок в чужой стране. Потом жалела, что через несколько лет лавочку прикрыли, и я уже не могу присоединиться к ним как племянница. Мне сказали, что слишком дальняя родня, и теперь воссоединяют только мужей с жёнами и несовершеннолетних детей с родителями. А я вообще полукровка. Фамилия русская, и в паспорте тоже русской записана.

– Ну, знаешь ли, вы и так неплохо устроились. Нас никто не приглашал ехать в чужую страну на всё готовое. Если бы мы к немцам относились, и какой-то шанс был, думаешь, мы бы рванули в Британию на стартовых условиях? Три года пашем как проклятые: официантами, строителями, живём в конуре, язык по ходу учим. Теперь вот ребёнка рожать – а у нас одна комната на троих, и в доме народу полно, как в муравейнике. С какой радости вас приглашают на всё готовое в Германию?

– Да радости особой не было. Те же политические беженцы. Когда война началась, Сталин всех русских немцев в лагеря засадил, опасался потенциального вероломства с их стороны. Дедушка и его братья в лагерях сидели, им даже восемнадцати лет не было. Их родители в лагерях умерли. Когда началась перестройка и Германия предложила своим бывшим гражданам вернуться на историческую родину как жертвам политического режима, это тоже был гуманистический акт. Тогда казалось это справедливым и щедрым предложением. Все рванули, кому не лень.

– А кто рванул-то? Уже совсем не те, кто в лагерях сидел. Рвануло уже новое поколение, которое выросло и выучилось в новой советской стране. Жили согласно новой религии, вступали в пионеры и комсомольцы. Они ведь даже по-немецки не говорили. А потом ещё куча всякого народа. Сама говоришь, русские женились на немках, чтобы за границу выехать. Они, что ли, жертвы политического режима?

– Знаешь, почему-то никогда не приходило в голову, что государству это невыгодно.

– Конечно, невыгодно. Они же как приезжают? Языка не знают, работать не могут. Знают, их надо содержать, пока они язык не выучат и работу не найдут. А на это могут уйти годы. А тут такой закон: если у тебя нет работы и есть дети, государство тебе и жильё даёт, и пособие по безработице платит, и на детей даёт, и на всех жён даёт.

– Щедрое государство.

– Хорошие налоги получает. Тут при маленькой зарплате двадцать пять процентов вычитают, а при большой все сорок. Плюс разные страховки на медицинское обеспечение, плюс

студенческий налог, процентов до пятидесяти выходит. Мой вот Серёжка работает с утра до вечера, налоги платит. Чужих детей содержим, а на своего не хватает. Мне уже рожать в июле. Надо жильё отдельное найти до этого времени, хотя бы однокомнатную квартиру, а потянуть не можем.

Дашка с мужем снимали дом в популярном среди восточных европейцев районе – Стратфорде, одном из самых дешёвых и неблагополучных округов Лондона, который городская мэрия решила благоустроить путём организации на его территории предстоящих Олимпийских игр 2012 года. Теперь весь район был затянут лесами, из-за каждого дома торчало по крану, а по улицам ходили толпы строителей того же восточноевропейского происхождения, в оранжевых жилетах и касках. Половина встречаемых людей разговаривали по-польски, на станции метро лежали русские газеты, а среди названий магазинов то и дело попадались знакомые русские слова, похожие на названия детских садов. «Солнышко», «Белочка», «Росинка», «Казачок». Сами магазины напоминали сельпо: крошечные комнатки площадью по двадцать квадратных метров, заставленные подержанными стеллажами, деревянные полки, холодильники из-под кока-колы, заполненные кефиром, сметаной и творогом, в одном углу селёдка и квашеная капуста, в другом – русские книги и фильмы напрокат. Российские таблетки из-под прилавка. Контрабандные сигареты. Матрёшки по верхним полкам, расписные платки. Общее впечатление убогости. Арина прихватила бесплатную русскую газету из стопки в углу. Дашка сказала, в таких газетах много объявлений о сдаче жилья и работе. Поэтому ознакомиться было бы полезно. Остановившись возле «польского sklepa», Дашка купила чёрного хлеба, палку копчёной колбасы и банку сметаны.

– Некоторые привычные продукты можно купить только здесь, – пояснила она. – Гречку, селёдку, сгущёнку, квашеную капусту, пряники, зефир в шоколаде. Говорят, лет десять назад русских и польских магазинов вообще не было. Как люди жили, не представляю. До сих пор так живут, в провинции. А иной раз так хочется селёдки с картошкой, нашей, солёной. У англичан тоже селёдка есть, но они почему-то её в сладком маринаде вымачивают – дрянь дрянью.

Дашкин дом, традиционное кирпичное здание викторианской эпохи, располагался в едином блоке высоких и узких домов, соединённых друг с другом. Выделить отдельное жильё в таком блоке можно было лишь посчитав количество разноцветных дверей с номерами. Возле каждой двери приютился крошечный палисадник с розовым кустом и стандартный мусорный бак на колёсиках. Каждый такой дом-квартира располагался на двух этажах и был скорее высокий, чем широкий или длинный. На первом этаже – кухня и гостиная, на втором – спальни. Плюс чердак, оборудованный ещё под одну спальню, рабочий кабинет или мастерскую. Позади дома ещё один садик, внутренний, в который можно было попасть из кухни. Таким образом, в каждый дом вели два входа – главный, с улицы, и запасной, со стороны сада.

– В Лондоне существует три вида жилых домов: соединённые, как наш, по барачному типу, полусоединённые – на два хозяина, и отдельные, они самые дорогие, потому что свой гараж, иногда даже на две машины, сад больше и никаких соседей за стенкой, – пояснила Дашка. – А наш дом – самый типичный, социальное жильё, ещё со времён королевы Виктории. Рамы одинарные, зимой холод и ветер пропускают. В квартирах всё время сыростью пахнет, по углам плесень. Почему англичане при их нежарком климате не ставят двойные рамы – непонятно. Наверное, по той же причине, почему краны до сих пор отдельные. Даже в новых домах.

Она открыла дверь и провела Арину напрямик в кухню.

– Экскурсию по дому провести не могу – все комнаты заселены жильцами. В нашем доме три спальни и гостиная. Живут девять человек. Маленькое общежитие. Гостиная раньше свободная была, для общего пользования, но потом мы туда трёх литовских студентов взяли. Они вместе приехали, хотели вместе жить, это была самая большая комната.

Поев горячего борща и картофельного пюре с котлетами, Арина почувствовала себя как дома и стала потихоньку проваливаться в сон. Сказалась бессонная ночь и напряжение последних дней.

– Не могу дозвониться до твоего «Импульса», – услышала она сквозь сон Дашкин голос. – В Челябинске уже шесть вечера, наверное, ушли домой. Завтра с утра позвоним, первым делом.

Вечером они долго сидели и болтали о России, о родственниках, о Дашкиной маме, которая недавно заходила в гости к Бердяевым. Дашка рассказала, что все подружки чуть не умерли от зависти, когда узнали, что она вышла замуж в Лондоне. А завидовать тут особо нечему – оба с высшим образованием, муж все годы работает на стройке, а она официантила до самой беременности. Дом снимают, а пользуются только одной комнатой.

– Нелегалов в городе много, они на себя жильё снять не могут, поэтому пристраиваются к тем, кто уже снял дом на своё имя. Нам снимать целый дом слишком дорого, поэтому мы заселили жильцов по комнатам – где два, где три человека. А что, всё равно они целыми днями на работе, а переночевать можно и втроём в комнате. К тому же некоторые в ночную смену работают. Они нам ренту платят, а мы с хозяином расплачиваемся. Получается, что с накрутки, которую мы делаем на остальные комнаты, наша почти бесплатно выходит.

– А по кроватям сдавать не принято? Ну, мол, чтобы те, кто работают днём, занимали комнату ночью, а пока они работают, там бы спали те, кто в ночную смену работает. Тогда одну и ту же кровать можно два раза сдавать.

– И что, есть те, кто на это соглашается? – заинтересовалась Дашка.

– Ну да, это давно испробованный метод в Лондоне. Ещё с начала девятнадцатого века, – перед глазами Арины всплыл Ящечкин, читающий учебник.

– А, – махнула рукой Дашка. – Времена нынче не те. Потом, если бы дом был свой, можно было бы бизнес сделать. Но дом нам не потянуть. Да нам и невыгодно здесь надолго задерживаться. Хотели ещё годик-другой поработать, чтобы подкопить денег, а потом ехать на родину строить дом, рожать детей. А тут вот получился ребёнок, и все планы нарушены. Серёжа хотел меня отправить домой, но я не захотела. Знаешь, мне нравится в Лондоне. И домой совсем не тянет.

– Чему уж тут нравиться? – пожала плечами Арина. – Три года официанткой. А ты экономист по образованию, могла бы дома начать с бухгалтерии, сейчас бы в банке сидела.

– Чего же ты осталась и до сих пор не в банке?

– Я учитель.

– Репетиторством бы занималась. Частные школы. Гувернантство. А, не так всё просто в России. И здесь не просто. Но здесь можно заработать хорошие деньги.

– В ресторане?

– Я не пойму, ты меня подкалываешь или нет? Да, в ресторане. Минимальная заработная плата в стране – пять с половиной фунтов в час. То, что тебе арабы четыре фунта предложили – это нелегально, но и работа была нелегальная, ты же контракт не подписываешь. Они этим пользуются. А если ты работаешь на приличное заведение, тебе фунтов шесть-семь в час платят. Теперь посчитай: шесть фунтов в час при сорокачасовой рабочей неделе – двести сорок фунтов в неделю, тысяча в месяц, то есть пятьдесят тысяч в рублях. Ты зарабатывала дома пятьдесят штук в месяц в своей школе? А твоя мама? А твой папа? Может, только Олежек столько зарабатывает, но это мужик, в Челябинске, и при своём бизнесе. Комнату за шестьдесят фунтов снимать можно, на еду фунтов двадцать-тридцать в неделю, проездной на метро шестьдесят фунтов в месяц, но если ты студентка, тебе тридцать процентов скидка, значит только сорок. А если ты при этом сверхурочные берёшь или по выходным работаешь – у тебя тариф уже выше. По субботам платят в полтора раза больше. А если есть какая-нибудь подра-

ботка вроде уборок или чаевые платят, то ты по пятьсот фунтов в месяц откладывать можешь. С зарплаты официантки.

– Я больше могу откладывать при таких расходах, – уверенно сказала Арина. – Работы я не боюсь и буду работать столько, сколько дают. Сверхурочные и выходные. Мне нужно тысячу фунтов Олежеку вернуть и ещё покрыть дорожные расходы. Не говоря уже о том, чтобы что-то скопить.

– Вот тут другая загвоздка, Аринчик, – победно подняла указательный палец Дашка. – Работу на полную ставку со сверхурочными или чаевыми ещё найти нужно. Даже в ресторане. А потому будет лучше, если ты с самого начала осознаешь три вещи: первая – мама и родина далеко и помочь тебе здесь не смогут, поэтому бесполезно жаловаться и бесполезно ныть. Ностальгию тоже лучше засунуть куда-нибудь подальше, очень мешает выполнению поставленных задач. Вторая – твоё высшее образование и профессиональные достижения никого здесь не интересуют. Поскольку ты не можешь работать в Лондоне учителем истории (особенно русской), значит, забудь, что у тебя высшее образование и что ты учитель по природе своей. Поверь мне, постоянные размышления на эту тему только затруднят поиски работы и зарабатывание денег. И третье – твой школьный или нешкольный английский здесь абсолютно не работает. Ты приезжаешь в страну немая, и тебе понадобится несколько месяцев, чтобы начать понимать, что от тебя требуется в тот или иной рабочий день, и чтобы ты могла доказать менеджеру, что эта филиппинская сука ни хрена тебе не помогала и смылась на два часа раньше, а ты осталась одна всё доделывать и поэтому получить должна за шесть часов, а не за четыре, несмотря на то что она уже заявила ему, что работа сделана, и потому она уходит. На заметку: в Филиппинах английский – государственный язык, а изворотливость – первая натура, поэтому тут ты проиграешь в любом случае. Особенно, если менеджер – филиппинец, – она неожиданно расхохоталась. – В общем, много разных нюансов, Аринчик. Чисто по родственному, по-человечески я тебе советом всегда помогу. Но в остальном я сейчас на дне жизни. Я уже три месяца не работаю, денег тебе одолжить не могу, с работой тоже не знаю. Для ресторана, в котором я работала, надо иметь право на работу, а уборками по домам я давно не занимаюсь. Серёжа только про стройки знает – женщине там делать нечего. Поселить тебя у нас тоже некуда – сама видишь этот теремок. Если совсем есть будет нечего – приходи, уж накормить я тебя всегда в состоянии. Ну и если «эмёрженси» какая случится – приходи, сестра всё-таки.

– Эмёрженси?

– Ну, критическая ситуация: побили, ограбили, изнасиловали. С работы выгнали или деньги закончились – это не эмёрженси. Это повседневная жизнь иммигранта. У тебя после того, как сто пятьдесят фунтов за квартиру заплатила, хоть сколько-нибудь осталось?

– Да, около двухсот фунтов.

– М-да. На две недели, в лучшем случае, на три. Тем лучше. Меньше рассусоливать будешь. Значит, у тебя ровно две недели, чтобы найти работу, и один день, чтобы найти жильё.

– У меня принимающая семья на две недели оплачена.

– Значит, нужно найти твою принимающую семью. В Лондоне деньгами не раскидываются. Я позвоню завтра в твой «Импульс», а ты иди в колледж учить английский. Язык в Лондоне – первое дело, без языка никуда. Ну, а с работой и жильём – поспрашивай студентов в колледже, наверняка что-то уже знают. Я тебе свою старую сим-карту дам, там фунтов семь лежит, но звонки дорогие, пенсов сорок за минуту, поэтому не разбазаривай. Когда закончишь, пополнишь наличкой в любом магазине, где проездные продают. Это специальный оператор, O2 называется – самый главный для звонков в Россию. Если звонишь на специальный номер, звонки в Россию будут стоить всего два пенса в минуту. Я с подругами по часу каждый выходной болтаю – расходов один фунт. Но если у нас в гостях будешь – можешь с городского звонить, те же два пенса, не пообедем.

В тот же вечер Арина позвонила родителям, коротко сообщила, что долетела благополучно, что пока ночует у сестры, а завтра идёт в колледж. Погода в Лондоне хорошая, настроение тоже.

Сквозь неглубокий утренний сон Арина услышала, как Дашка негромко спорит с кем-то в коридоре. «Наверное, муж вернулся, – подумала Арина и соскочила с кровати. – Может, он с ночной смены, усталый, спать хочет, а я тут его место занимаю».

Потом прислушалась к разговору, поняла, что речь идёт о ней, вернулась обратно в постель и прикинулась спящей. Сквозь неплотно запертую дверь доносился приглушённый мужской голос.

– Какая сестра? Троюродная? Ты бы ещё пятиюродных вспомнила! Считаю, что посторонний человек. Ты посчитай, сколько у тебя двоюродных и троюродных братьев и сестёр? Штук пятнадцать наберётся, наверное. И у меня столько же. Если все повадятся в Лондон ездить на том основании, что у них здесь родственники, и просить приютить, накормить, одолжить денег, работу найти – нам впору приют открывать. А ещё есть дяди и тёти, одноклассники, однокурсники, соседи, друзья детства и коллеги по бывшей работе. Земляки, в конце концов! И все сразу становятся твоими лучшими друзьями и близкими родственниками. Вспоминают, как вы вместе запускали воздушных змеев и рыбачили на причале, и как они тебе только что жизнь не спасли, когда ты в пятилетнем возрасте в лесу заблудился. Сидела она дома у мамы с папой – у неё была работа, зарплата и еда на столе. Никто её сюда не звал, она сама приехала. И если она рассчитывала, что ей всё будет дано на блюде с голубой каёмочкой только потому, что у неё здесь родственники – то это уже не те родственники и не те времена.

– Серёжа, она же только на лето приехала, язык учить.

– Язык учить? А ты зачем сюда приехала? Не за тем же? А я зачем? Все наши знакомые приехали сюда на лето. И кто из них уехал из Лондона после лета? Ты можешь привести хоть один пример? Тут лета хватит только на то, чтобы разобраться, что к чему в этой стране. Студенты, которые приезжают сюда на лето только для того, чтобы посмотреть Лондон и подучить английский язык, привозят с собой три тысячи фунтов с приветом от богатого папы. А если человек привозит с собой триста фунтов и половину из них просирает в первый же день – это уже не студент. Это называется «бай-бай, колледж – здравствуй, клининг».

Через пятнадцать минут на пороге комнаты появилась смущённая Дашка. Она села на край кровати и немного помолчала, собираясь с духом.

– Серёжа говорит, у него нет на примете никакой работы сейчас, но сказал, ты можешь помочь нам по хозяйству. Понимаешь, нам жильцы платят только за комнаты, а дом убираю я сама. До сих пор убирала. А теперь видишь – уже живот такой большой, нагнуться не могу, и мы хотели уборщицу нанять, раз в неделю на несколько часов. Так-то работы немного, я за четыре часа справляюсь. В комнатах убираются сами жильцы, только кухню прибрать и ванную с туалетом, да пропылесосить наверху и лестницу. Серёжа сказал, что если ты будешь приходить раз в неделю и прибираться вместо меня, он фунтов двадцать пять платить будет. Я тебе помогать буду, где смогу. Просто я уже две недели не убиралась, и такая грязь везде, что жильцы жаловаться стали.

– Даш, не надо денег, я тебе так помогу, по-человечески. Всё-таки восьмой месяц не шутка, понятно, что ты не справляешься.

– Да ты дурочка, что ли! – Дашка всплеснула руками. – Я тебе деньги заработать предлагаю, а ты отказываешься.

– Да как я с тебя деньги возьму? Ты меня приютила, накормила, утешила. Если тебе нужно помочь по хозяйству – я тебе помогу. А денег мне за это платить не надо.

– Слушай, Ариша, – вдруг обозлилась Дашка. – Ты свои благородные замашки для дома побереги. В Лондоне ты так не выживешь. Ты пятый день здесь, у тебя ни жилья, ни работы,

ни денег. Что ты собираешься делать? Историю преподавать? Когда жрать будет нечего, так ты на любую работу согласишься. Туалеты мыть и пиво разливать. Тебя по задку будут хлопать, а ты улыбаться. Я тебе по-честному предлагаю подработку и двадцать пять фунтов наличкой. Поэтому бери, пока дают, и не выпендривайся.

– Да не могу я, Даш, не могу. Если бы был кто другой – я бы взяла. Я ведь работы не боюсь, ты не думай, что я гнушаюсь уборками заниматься. Но ты на восьмом месяце беременности, и тебе нужна помощь, я с тебя за это деньги брать не могу. Вот закончу колледж сегодня и приеду. Слово даю – приеду и всё приберу. Только денег мне твоих за это не надо.

Глава 10. Принимающая семья

В тот же день нашлись и принимающая семья, и колледж. Проведя ночь в Дашкином доме и поев любимой рисовой каши с маслом на завтрак, Арина уже отошла от своих злостных, а добравшись до колледжа и проведя утро в изучении активного и пассивного залогов в английском языке, она, наконец, окончательно поверила, что дурной сон закончился и она в Лондоне.

Колледж Святого Патрика занимал второй этаж кирпичного викторианского здания, располагаясь над кофейней «Старбакс», и представлял собой коридор с десятком одинаковых комнат, начинающийся с маленькой приёмной с администратором-словачкой и заканчивающийся небольшой рекреацией с несколькими диванами и кофе-автоматом. На стене рекреации висел стенд с объявлениями официального и частного характера. Арина сразу обратила внимание, что часть объявлений написана на польском, турецком, испанском языках. Податели объявлений искали напарника по работе или соседа по комнате среди своих земляков, огорожив себя от нежелательных кандидатов таким простым способом. Бегло просмотрев объявления на английском и русском, Арина отметила, что «своих» здесь немало и отыскать их не составит труда. Рядом с рекреацией располагались учительская, кабинет директора, интернет и комната для самостоятельных занятий со столами и книжными полками. Никакой претенциозности. Никаких навороченных технологий, модного интерьера, пафоса, ничего, направленного на то, чтобы поразить пришлого человека. Чисто, функционально и предельно просто. Учебные комнаты ничем не отличались друг от друга – расположенные по кругу стулья, стол учителя, классная доска и карта мира на стене. Преподаватели – все коренные жители, оказались первыми англичанами, которых Арина увидела в Лондоне.

Учитель, энергичный англичанин по имени Брайан, тридцати с небольшим лет, непринуждённо беседовал с учениками на тему покупок в благотворительных магазинах. Продемонстрировав брюки, только что приобретённые в магазине сэконд-хэнд через дорогу, он сказал, что находит такие покупки очень практичными. Мол, во-первых, существенная экономия денег, во-вторых, помогаешь нуждающимся. Среди студентов разгорелся спор, потому что многие считали, что отовариваться в благотворительных магазинах могут только люди, которые зарабатывают копейки и вынуждены носить чужую одежду. А ему, как коренному англичанину с постоянной и наверняка хорошо оплачиваемой работой, не пристало покупать поношенную одежду. Другие студенты сказали, что с тех пор как приехали в Англию, покупают одежду только в этих магазинах и не видят в этом ничего зазорного, потому что их зарплата не позволяет им ходить в «Манго» и «Дороти Перкинс». Третьи заявили, что не видят в этом никакой благотворительности, потому что магазины не раздают эту одежду нуждающимся, а продают.

Брайан пояснил, что в Англии существуют целые сети благотворительных магазинов, куда люди приносят поношенную или даже новую, но пришедшуюся не ко двору одежду, обувь, книги, посуду, предметы обихода и оставляют её для благотворительных целей. Таким образом, они помогают нуждающимся. Продавцы подобных магазинов – обычно школьники, студенты или пожилые женщины – работают, как правило, бесплатно. Это называется волонтерской работой, она очень популярна в Англии. Таким образом, эти люди тоже жертвуют своё время и энергию в пользу нуждающихся. Те, кто покупает товары в благотворительных магазинах, приобретают приличные вещи по сносной цене и приносят магазину доход, который идёт на благотворительные цели – помощь голодающим детям в африканских странах или больным раком, например. Получается, все жертвуют и все в выигрыше. Дарители избавляются от ненужных им вещей, которые они бы всё равно выкинули или складировали годами на чердаке. Покупатели своими покупками приносят пользу бедным детям, нежели крупным магазинам одежды и раскрученным дизайнерам, которые и так неплохо живут. И даже сту-

денты-волонтеры получают от такой деятельности выгоду, потому что волонтерская работа идёт строчкой в резюме наравне с оплачиваемой работой, ибо приобретён определённый профессиональный опыт, а школьникам это может помочь при поступлении в хороший институт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.